

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

В ПРИЦЕЛЕ —
ОЛИМПИАДА

Максим Шахов

В прицеле – Олимпиада

«ЭКСМО»

2011

Шахов М. А.

В прицеле – Олимпиада / М. А. Шахов — «Эксмо», 2011

Чаша терпения премьер-министра России переполнилась. Вот уже который год все спецслужбы пытаются обуздать пособников международного терроризма, а воз и ныне там. Кроме того, на носу Олимпиада в Сочи, которая должна стать самой безопасной за всю историю... И премьер волевым решением создает принципиально новую структуру – Главное управление федеральной антитеррористической разведывательно-оперативной службы, сокращенно ФАРОС. Именно она координирует все службы антитеррора России, а комплектуется сотрудниками ФСБ и ГРУ. В ней будут служить бывший боевой пловец, старший лейтенант Голицын по прозвищу Поручик и его испытанная команда. А это значит, что шансов сорвать Олимпиаду у врагов нет...

© Шахов М. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

1. АВТОПОДСТАВА	6
2. ВАТУТИНКИ	11
3. ГЕНИИ ДЗЮДО	17
4. СОВЕЩАНИЕ	23
5. КАК ПО МАСЛУ	28
Северная Америка	31
Париж	32
Прага	34
Где-то на границе Афганистана и Пакистана	36
Север Японии	39
Лондон	41
Подмосковье	44
6. ДИВЕРСАНТЫ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Максим Шахов

В прицеле – Олимпиада

Я вам устрою Сочи! Я вам устрою Олимпиаду!
М. Саакашвили

*Проведение Олимпиады в Краснодарском крае может оказаться
под вопросом.*
Нурди Нухажиев

Все персонажи и события романа вымышлены, а совпадения случайны.
Автор

1. АВТОПОДСТАВА

Конец мая – предлетье – лучшее время в году. Изнуряющая жара еще не наступила, зелень радуется свежестью, все вокруг цветет и пахнет. Таким вот свежим майским утром по пригородной трассе, огороженной с обеих сторон сплошной стеной деревьев, по направлению от Москвы катил новенький серебристый внедорожник «Лексус». За рулем сидел пожилой человек в очках. Коротко остриженные, ежиком, седые волосы придавали ему моложавый вид.

Проезжая развилку, Седой небрежным взглядом скользнул по указателю. Белые буквы на синем фоне уведомили: «Расторгуево – 14, Ватутинки – 27». В машине работало радио. Приемник был настроен на ФМ-волну радио «За рулем». Легкая приятная музыка группы «Лед Зепелин» (а ведь когда-то считалась тяжелым роком) сменилась беседой в студии. Ведущий с гостем, недавно ставшим жертвой так называемой автоподставы, завел разговор на эту актуальную тему.

– Я ехал по пригородной трассе, – рассказывал гость. – Машина у меня новая, внедорожник «Опель Фронтера».

Тут вставил слово ведущий.

– По статистике, чаще всего в качестве жертвы преступники выбирают водителей новых внедорожников, преимущественно пожилых и интеллигентных, особенно в очках, – заметил он.

– Пожилой и интеллигентный? Да вы прямо мой портрет написали, – невесело усмехнулся гость в радиостудии. – Со стороны я, наверное, так и выгляжу – как интеллигентный лох при бабках. Кажется, это теперь так называется?

Слушавший радио седой водитель за рулем «Лексуса» тоже усмехнулся. Он подумал, что это же самое можно сказать и про него. Пожилой, интеллигентного вида, на внедорожнике. Правда, очки были солнцезащитными. Оживленный разговор в студии между тем продолжался.

– Значит, ехал я по пригородной трассе, – рассказывал гость. – Двигался в левом ряду. Вдруг сзади сигналият дальним светом – уступи дорогу. Смотрю в зеркало – меня догоняет черная «БМВ».

– А разве «БМВ» – это «она», а не «он»? – попробовал пошутить ведущий.

– Конечно, «она», – серьезно заверил его гость. – Была у меня когда-то «БМВ». Такая капризная, как баба! Нет, «БМВ» – только «она»!

И продолжил:

– Так вот, висит у меня на хвосте «БМВ», сигналиит дальним светом. Я решил уступить левую полосу, взял вправо. И тут откуда-то сзади «Мерседес» вывернулся. Его не видно было, он находился в мертвой зоне обзора. Я только услышал, как сзади что-то негромко стукнуло, но не придал значения. Тут этот черный «Мерседес» меня обгоняет и прижимает к обочине. Я остановился, на всякий случай включил аварийку. Из «Мерседеса» вылезли двое. Они заявили, что я их подрезал, стукнул и не остановился. Одеты они были очень прилично. На бандитов с бычьими загривками не похожи, явно не уголовники. Вы ведь помните, как в старину бывало? Заденешь случайно старую тачку, а в ней братки в спортивных штанах и кожаных куртках. Они тебе кидают ключи от своей развалины и небрежно сообщают: «Завтра новую подгонишь». Нет, эти двое выглядели очень цивилизованно. В костюмах и при галстуках. Но ограбили не хуже бандитов.

– А вы полицию вызвать не пробовали? – поинтересовался ведущий.

– Тогда они еще милицией назывались. Нет, никого вызывать не пришлось, они сами подъехали, с сиреной и мигалкой. Подъехали и все объяснили. Вот некоторые говорят, что милиционеры у нас некультурные. Нет, эти вели себя очень культурно. И все мне растолковали

в лучшем виде. Сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Как я потом понял, они были с преступниками в доле. В итоге остался я и без машины, и без штанов.

Ведущий снова прокашлялся. Так он выражал смущение.

– Как это? Разве ваша машина не была застрахована?

В ответ послышался смешок потерпевшего.

– Разумеется, была. Я тут же позвонил своему страховщику. Он разъяснил мне, что, поскольку я уехал с места происшествия, у меня могут отобрать права на полтора года. И посоветовал разобраться на месте. Тогда люди из «Мерседеса» предъявили мне удостоверения федеральной силовой структуры. Один, тот, что постарше, с наголо обритой головой, значился генерал-майором. Другой – кавказец – назвался полковником. Они сообщили, что я повредил не простой автомобиль, а чудо техники, напичканное специальным оборудованием. Сбил им какие-то настройки, сорвал ответственную операцию и теперь буду отвечать по всей строгости. Они связались с дежурным по городу Москве. Тот якобы принял смотреть на каких-то мониторах запись аварии. Потом начал орать так, что я даже в трех шагах от трубки хорошо слышал. Требовал, чтобы меня сразу доставили в «Лефортово» или в «Матросскую Тишину».

– А сколько денег они с вас потребовали? – поинтересовался ведущий.

Гость рассмеялся:

– Нет, что вы. О деньгах они не говорили ни слова, только запугивали. Так получилось, что деньги я предложил сам...

Ведущий снова прервал его:

– А кем вы работаете, если не секрет?

– Занимаюсь бизнесом, – лаконично ответил гость. – Сами понимаете, ссориться с силовиками не в моих интересах.

– Понятно, – ведущий понимающе вздохнул. – И на сколько же в итоге они вас, простите за выражение, развели?

Гость замялся. Ведущий постарался прийти ему на помощь:

– На сто? Больше? На двести?

– Ага, на двести. Тысяч, – скромно сообщил гость.

Ведущий аж присвистнул.

– Не слабо! Двести тысяч рублей за небольшую царапину...

– Почему рублей? – вяло возразил гость. – Долларов. Вы знаете, мне повезло. Они вначале требовали в евро...

Седой водитель «Лексуса» усмехнулся и выключил радио. В зеркале заднего вида замелькали огоньки. Кто-то сзади сигналил дальним светом, требуя уступить дорогу. Оказалось – «БМВ» с затонированными стеклами. Седой водитель не стал упорствовать и начал перестраиваться вправо. И тут услышал истеричный вой клаксона. Ну конечно, справа за спиной притерся «Мерседес». Такой же беспросветно черный и глянцевый, как и «БМВ». Для Седого он оказался в мертвой зоне, затрудняющей обзор. Седой не понял, зацепил он «Мерседес» или нет, но тот вывернулся, обогнал его и нахально притер к обочине.

Из машины выбрался гигант средних лет, то ли лысый, то ли наголо обритый. Он чуть ли не бегом бросился к «Лексусу» и рванул на себя его водительскую дверь. Потом сунул под нос пожилому водителю внедорожника пухлую кожаную красную книжечку – удостоверение. В нем значилось, что бритоголовый носит звание генерал-майора и является начальником отдела федеральной антитеррористической службы.

Бритоголовый верзила захлопнул удостоверение и прорычал.

– Ну что, понял, на кого напоролся? Ты служебную машину повредил! У меня там внутри одной спецаппаратуры на миллион долларов. А теперь вся она превратилась в хлам. И кто за это будет платить? Родина, мать твою?.. Ты у меня отсюда прямо в «Лефортово» отправишься!

Тем временем из «Мерседеса» вылез еще один тип, помоложе. Кавказец. Он подошел и обратился к бритоголовому шефу:

– Что, серьезные проблемы?

Лысый верзила недобро усмехнулся.

– Проблемы – серьезнее некуда. Только они не у меня, а у этого мудака на букву «ч». Не волнуйся, Науруз, сейчас поедем. Но сначала я объясню этому недоумку всю тяжесть его преступления. И передам компетентным органам. Позвони-ка нашим дармоедам-ментам.

Седой, не вставая из-за руля, снял очки и протер их платком.

– А в чем, собственно, мои проблемы? Даже если допустить, что я вас задел. Машина у меня застрахована. Страховка от солидной фирмы – «Росстрах»...

Лысый верзила грубо перебил его:

– Ты что несешь? Какая страховка? Какой «Росстрах»? Отныне у тебя один страх – это я! Я твой страх и ужас! Понял? Ты нашу встречу каждую ночь будешь вспоминать и по нескольку раз в холодном поту просыпаться. Я тебе это гарантирую.

Тут к собравшимся на обочине подкатила ушедшая было вперед черная «БМВ». Из нее вылезли еще двое крепышей, на которых костюмы готовы были треснуть по швам, и тоже приблизились к бритоголовому. Объяснять суть происходящего им не понадобилось.

– Что случилось, шеф? – поинтересовался первый. – Бестолковый клиент запорол косяк и отказывается платить?

Второй оглядел пустую трассу и предложил:

– Может, за лопаткой сходить? Чего с ним возиться? Тут, в лесополосе, и прикопаем. А тачку отгоним. У меня на нее купец имеется. Номера перебить – раз плюнуть. Вылезай, дед!

Седой нехотя вышел из машины. И молниеносным движением выхватил из-за пояса пистолет. Его оппоненты опешили. Они явно не ожидали такого развития событий.

– А ну, руки в гору, сынки! – потребовал Седой. – Предупреждаю, это не учебная тревога и ствол не газовый. Если у кого под мышкой засвербит или поясница зачесется, терпите! А то продырявлю лоб. И не стыдно вам? Четыре мордovorота справились с пенсионером... Безобразие! И куда только полиция смотрит?

Бритоголовый главарь кинул осторожный взгляд через плечо и заметил:

– А вот, кстати, и полиция. Сейчас, дед, поймешь, кто тут хозяин.

Возле них, скрипнув тормозами, остановилась патрульная полицейская машина с устаревшей надписью «Милиция». Из нее, как черти из коробочки, выскочили два молодца в бронежилетах и с короткими автоматами. Орлы-парни. Сразу видно, что успешно прошли перепаттестацию. Один с ходу выпустил короткую очередь в воздух.

Оба автомата грозно и недвусмысленно уставились на Седого.

– Опустит ствол, урод! – потребовал сержант, обращаясь к пенсионеру. – А то я из твоей башки друшлаг сделаю.

– Друшлаг, – поправил его Седой и опустил пистолет. – Надо говорить – «дуршлаг».

Сержант аж взвился:

– Ты чо, грамотный? Читать, типа, умеешь? В обезьяннике сейчас у меня умничать будешь, в матерных надписях на стене ошибки исправлять!

– Это в райотделе? – уточнил Седой. – Спасибо, утешил, сынок. А то эти ребята меня уже «Лефортовом» пугали, а потом вообще похоронить собирались.

Сержант плюнул, грязно выругался и пообещал:

– Нужно будет, я тебя сам похороню. Прямо тут. А ну, бросай ствол!

Седой аккуратно положил пистолет на капот своего автомобиля.

– Зачем же бросать? С оружием следует обращаться осторожно.

Бритоголовый забрал пистолет и сунул в карман пиджака.

– Ладно, хватит болтать. Роли поменялись. Молись, старичок, если умеешь.

Но тут со стороны проезжей части послышался грохот. Черный лакированный «Мерседес» весом в две тонны отлетел в сторону, как кегля, выбитый с трассы мощным ударом. Тяжелый четырехтонный «Субурбан» протаранил его своим «кенгурятником», опрокинул и отшвырнул в кювет. Заодно зацепил и полицейский «Форд». Тот завертелся пропеллером, подняв с обочины тучу пыли.

– Кажется, роли снова поменялись, – усмехнулся Седой.

Лысый главарь первым очнулся от столбняка. Он одним прыжком оказался у распахнутой двери «БМВ». Остальные все еще в шоке и недоумении крутили головами.

– Науруз, ко мне, быстро! – рявкнул из машины Лысый. – Уезжаем!

Водительская дверь взбесившегося «Субурбана» открылась, и из нее появился человек. Молодой, скорее худощавый, чем крепкий. Один и без оружия. Взгляды присутствующих тут же переместились в глубину салона. Возникла пауза. Но, ко всеобщему удивлению, больше из машины никто не вылез.

А молодой человек повел себя довольно странно. Он вдруг замер, наклонил голову и зашевелил губами. Вроде как считал шепотом.

– Пять-четыре-три-два-один-пуск!

И двинулся вперед. Патрульные закрыли рты и дружно шагнули навстречу новому действующему лицу. Двое крепышей в плохо сидящих костюмах двинулись за ними. Кавказец колебался. На его лице отразилась сложная внутренняя борьба. Лысый шеф из приоткрытой двери «БМВ» помог ему принять верное решение.

– Науруз, я кому сказал, ко мне! – В голосе Лысого звучал откровенный страх пополам с бессильной яростью.

Видимо, Лысый обладал хорошо развитым чутьем на неприятности. Кавказец, наконец, определился, нырнул за руль «БМВ» и дал по газам. Машина взревела движком, взвизгнула покрывками по асфальту и умчалась вдаль. Остальным повезло меньше. Худощавый молодой человек с поразительной быстротой приблизился к полицейским автоматчикам. Отобрать у них автоматы оказалось для него не труднее, чем конфету у ребенка.

Седой наблюдал за ним с доброй усмешкой. Ему припомнился похожий случай. Он тогда учился в пятом классе. Как-то летом собрались они с друзьями за магазином, нарезали газету, скрутили самокрутки системы «козья ножка» и аккуратно набили их табаком из собранных тут же, у магазина, окурков. И только собрались всласть покурить, как появился Пашка-сосед.

Пашка учился в девятом классе и занимался боксом. Его боялись все, даже взрослые мужики. Он обрушился на юных курильщиков, как Ленин на меньшевиков. Самокрутки полетели в одну сторону, спички в другую. Звон затрещин сменился гневной тирадой:

– Нечего сушеное говно пополам с чужой блевотиной сосать! Когда начнете зарабатывать на нормальное курило, тогда и будете дымить. А сейчас бегом марш в футбол гонять!

Теперь ситуация повторилась. Автоматы полетели в кювет, магазины с патронами – в противоположном направлении. Нескладные, как пингвины в бронежилетах, патрульные покатились в пыль на обочину дороги, словно опустевшие бутылки под стол.

Худощавый молодой человек двигался со скоростью молнии. Крепышам в штатском не хватило времени достать оружие, но они успели изготавиться к рукопашной схватке. Впрочем, первый из них поймал нокаутирующий удар, так и не поняв, что его уже бьют. Второй продержался чуть дольше. Он даже попробовал сопротивляться, но как-то не всерьез. Без огонька, формально. Вроде как для галочки. Испугался, что ли? Не прошло и пары секунд, как он лег рядом со своим товарищем.

Худощавый молодой человек окинул поле боя внимательным взглядом – не шевелится ли кто из поверженных противников. Но те лежали тихо, как помороженные тараканы. Победитель подошел к Седому. Тот смерил его слегка удивленным взглядом.

– Поручик, ты? В самое время. Как ты тут оказался?

Тот в ответ лишь пожал плечами:

– Стреляли...

Седой кивнул, забрался в свой «Лексус» и отправился в дальнейший путь. Молодой человек, которого он назвал Поручиком, также запустил двигатель «Субурбана» и пристроился за ним следом. Так они и поехали. Утро было все таким же свежим и прохладным, хотя солнце понемногу начинало пригревать. Если не считать нескольких бесчувственных тел на обочине, опрокинутого «Мерседеса» в канаве и замершей по соседству полицейской машины, все выглядело так, будто ничего не случилось.

2. ВАТУТИНКИ

Серебристый «Лексус» в сопровождении «Субурбана» проехал еще немного по трассе, до неприметного указателя со стрелкой. На табличке значилось: «Санаторий «Ватутинки». Здесь обе машины свернули на узкую боковую дорогу и запетляли между перелесков. Через десять минут езды дорога уперлась в глухие ворота без опознавательных знаков. Впрочем, не совсем. Рядом с воротами, прямо на сером бетонном заборе, чернела корявая надпись: «Шпёнская база».

Надпись эта регулярно и беспощадно уничтожалась, но столь же регулярно появлялась вновь. Слежка, видеонаблюдение и невероятные ухищрения местного завхоза с целью обнаружить вредителя успеха не приносили.

Ворота открылись автоматически, и машины въехали на территорию спецобъекта «Ватутинки». Внутри, за воротами, дорогу перекрывал бетонный кубик высотой около трех метров. Чтобы объехать препятствие, нужно было буквально на пяточке развернуть машину под девяносто градусов вправо. Это исключало возможность прорыва на территорию спецобъекта террориста-смертника даже на груженном взрывчаткой тяжелом грузовике.

Здесь, справа, располагались вторые ворота, за которыми приезжих ожидал массивный и тяжеловесный, под стать бетонному кубу, дежурный по КПП.

– Старший прапорщик Копняк, – козырнул он ладонью, похожей на большую саперную лопату.

Седого это слегка удивило.

– Я слышал, что с первого декабря две тысячи девятого года прапорщиков в армии больше не существует, – заметил Седой. – Им теперь дорога или в сержанты, или в лейтенанты.

– Так это в армии, а у нас пока не каплет, – зевнул дежурный и мечтательно перевел взгляд с документов Седого на одинокое белое облачко, парящее в небесной синеве. – А что делать? Я вот, например, имею возможность стать сержантом, но не имею желания. Имею желание стать лейтенантом, но не имею возможности. Бывший командир обещал меня в младшие лейтенанты произвести, да подходящей должности не нашлось. На нового вся надежда. А вы, значит, вице-адмирал? Это как же по-нашему, по-нормальному будет?

– Так по-нормальному или по-вашему? – уточнил Седой. – В армии звание вице-адмирала соответствует генерал-лейтенантскому. Еще вопросы будут?

– Никак нет, проезжайте, товарищ генерал-адмирал. Следующий!

Он пропустил машину Седого и занялся Поручиком. Посмотрел в выданное тому временное удостоверение, похожее на большую портянку, покряхтел, покашлял и, наконец, пробасил:

– А вас, старший лейтенант, я попрошу остаться.

Поручик с возмущением нахмурился.

– Интересно девки пляшут! Первый день на новом месте – и на работу не пускают.

– Потому и не пускаем, – с важностью, но в то же время доверительно сообщил дежурный. – Кто тебя знает? Может, ты и в самом деле старший лейтенант, – он заглянул в удостоверение, – Голицын Денис Васильич и прибыл к нам на новое место службы. А может, и нет. Я кино смотрел, так там один фашистский шпион-вредитель – сын кулака, между прочим, – убил нашего офицера Ивана Белограя, а потом с его документиками заявился в город и давай безобразничать: заводы взрывать, колодцы отравлять. Жениться даже хотел...

– Я жениться не хочу, – с непривычной для себя робостью возразил Поручик. – И отца-кулака у меня нет. Детдомовский я.

Старший прапорщик Копняк радостно ухмыльнулся:

– Это я не про тебя конкретно, а так, вообще, к примеру говорю. Но все равно проверочка требуется. А нам сейчас не до тебя. Видал, что творится?

Он ткнул большим пальцем, похожим на сардельку, себе за спину. Там, внутри территории спецобъекта, и в самом деле царил пугающая суеда. Из одного помещения в другое в одиночку и группами бестолково бегали люди в камуфляже. Пузатые командиры со звездами на погонах столь же бестолково пытались командовать, внося в действия подчиненных окончательную сумятицу.

Такая суматоха обычно означает одно: нападение на секретный объект. Реже ее причиной может оказаться приезд руководителя высочайшего ранга – императора, патриарха или президента. На худой конец – премьер-министра.

Седой, увидев заминку с Поручиком, остановился, выбрался из своего «Лексуса» и вернулся к воротам.

– Что стряслось? – негромко спросил он старшего прапорщика.

Дежурный пугливо обернулся и так же тихо ответил:

– Нападение, товарищ адмирал... генерал. И опять же, начальство ждем. А тут новый сотрудник, – он кивнул на Поручика. – Дополнительная проверка нужна. Не могу пропустить.

– А меня ты можешь пропустить? Я ведь тоже новый сотрудник.

– Насчет вас имеется указание, а насчет него – никак нет. А тут сами видите, какой бардак творится...

– Да уж вижу. Картина маслом: «Пожар в публичном доме», – Седой тяжело вздохнул и взглядом указал дежурному на Поручика: – И куда ему теперь деваться? Обрато ехать?

– Зачем же обратно? Вон глядите, – старший прапорщик указал приехавшим на приземистое строение, расположенное в стороне от штабного здания. – Вон там у нас спортзал. Кому делать нечего, все в спортзале ошиваются. Пускай в нем и перекантуется, пока все прояснится.

Седой еле заметно кивнул. Поручик пожал плечами и послушно погнал свой «Субурбан» в указанном направлении. Седой подъехал к главному штабному зданию, оставил тут машину и направился в двери. У него еще раз проверили документы, и он вошел внутрь. На дверях не было никаких вывесок, только внутри приемной, возле окошка дежурного по штабу, можно было разглядеть маленькую скромную табличку с надписью: «Главное управление федеральной антитеррористической разведывательно-оперативной службы. ФАРОС».

Седой поднялся на лифте на второй этаж. Здесь он подошел к вешалке и скинул легкий плащ, под которым оказался черный морской китель с двумя вице-адмиральскими звездами на погонах. За вешалкой громоздился преогромный стол с породистым адъютантом. Адъютант в чине полковника охранял обшитую кожей дверь с бронзовой табличкой.

На табличке значилось: «Начальник Главного управления ФАРОС генерал-полковник Ковригов».

При появлении из-под плаща адмиральских погон адъютант вскочил и щелкнул каблучками.

– Как прикажете доложить?

Седой вице-адмирал пожал плечами:

– Зачем же докладывать? Просто скажи Дорофеичу, что Старостин прибыл.

Подобное предложение пришло адъютанта посильнее окрика. Он молнией исчез за дверью и почти так же стремительно появился вновь:

– Пройдите, вас ждут!

Лицо его сияло так, будто это лично он с немалым трудом добился приема для вице-адмирала. Седой вошел в кабинет:

– Здорово, Матвей Дорофеич! Разрешить войти?

Хозяин кабинета, высокий и широкоплечий генерал-полковник, широко улыбнулся:

– Заходи, дорогой! Ну, здравствуй, Илья Григорьевич. Извини, коньяком угостить не могу. Военное положение, мать его!

Вице-адмирал Старостин хлопнул его по плечу:

– Ладно, обойдемся без коньяка. Разве ж я не понимаю? У вас тут прямо война. А на войне водку полагается пить. Сто грамм наркомовских – укради, но выпей.

Хозяин кабинета задумался.

– А что? И в самом деле... – он звонком вызвал адъютанта. – А ну-ка, сообрази нам с новым замом водочки и закусить. Икорки там, колбаски, грибочков соленых, капуста квашеной. Да смотри, чтобы огурчики соленые были, а не маринованные! В прошлый раз напортачил, так мне, старику, за тебя стыдно было!

Полковник покраснел и исчез.

– Я гляжу, ты, как Юлий Цезарь, отбираешь себе тех, кто краснеет, а не бледнеет, – заметил Старостин. – Шустрый у тебя кадр, прямо помесь Фигаро со стариком Хоттабычем.

Ковригов напрягся:

– Не понял! Какой еще Хоттабыч, террорист, что ли?

Старостин расхохотался.

– Ты, Дорофеич, книжки читай, а не газеты. Сказка такая есть, забыл, что ли?

Тут в дверь протиснулся сам «Фигаро Хоттабыч». Он вкатил в кабинет столик с бутылками и закусками и, поймав одобрительный взгляд хозяина, незаметно исчез. Ковригов налил водку в граненые стограммовые стаканчики.

– Ничего, что не в хрустале подаю? – спросил он.

Старостин отмахнулся.

– Да мне, вообще-то, из алюминиевой кружки привычнее, – он поднял стакан.

– Ну что, со свиданьем? Твое здоровье!

Стукнулись стаканами, выпили. Старостин наколол на вилку квашеной капусты с черными глазками клюквы.

Ковригов удивился:

– А ты бы салца попробовал. Или вера не позволяет?

Вице-адмирал отшутился:

– Вера, Дорофеич, у нас с тобой одна. Присягой называется. А вот сало под водку лучше не употреблять. Вредно это. У меня в отряде доктор имеется, так тот в результате проведения многочисленных вскрытий убедился – сало с водкой, попав в желудок, не переваривается, а гниет. То ли дело капуста! Бальзам, право слово! Амброзия!

Лицо генерал-полковника исказила гримаса испуга.

– Сало с водкой – гниет? Да иди ты! Страсти-то какие! – Он отложил кусок черного хлеба с салом и захрустел соленым огурчиком, потом зацепил щепотью изрядную порцию капусты и отправил в рот. Задумчиво пожевал. – И правда, хорошо! Да, брат, знание – сила! А то вот так всю жизнь проживешь дурак дураком... Ну, давай еще по одной. За науку и знания.

Вице-адмирал тем временем намазал на черный хлеб масла и соорудил сверху горку из черной же икры. Прищурился, он поинтересовался у хлебосольного хозяина:

– Икорка-то, поди, браконьерская? Краденая?

– Зачем краденая? Дареная, – обиделся Ковригов.

Старостин прожевал бутерброд, аристократическим жестом – ногтем мизинца – выковырял между зубов застрявшую икринку и вытер губы салфеткой.

– Хороша, зараза! Видно, и впрямь дареная, от чистого сердца. Ну ладно, рассказывай, что тут у вас стряслось, кто на кого напал?

Страдальческая гримаса, похоже, становилась для генерал-полковника Ковригова привычным выражением лица.

– Сто лет такого не случилось! Террористы совсем обнаглели. Сегодня утром подвергся нападению коллега твой, мой второй зам, начальник первого отдела, Бормышев. Ты его знаешь?

Старостин отрицательно покачал головой:

– Нет, пока незнакомы. Как это случилось?

Ковригов вздохнул и развел руками.

– Черт его знает. Пока известно только, что его группа попала в засаду и подверглась шквальному обстрелу. Имеются потери. Да уж, ничего не скажешь, хорошо работать начинаем, с чрезвычайного происшествия, мать-перемать! Мы премьер-министра с проверкой со дня на день ждем, а тут это покушение на Бормышева...

Вице-адмирал поглядел на друга-командира с сочувствием:

– Неужели самого премьер-министра? Этого только не хватало! Да, интересно девки пляшут, как мой боец говорит. На нас ведь тоже напали недалеко отсюда. Причем нападение попытались замаскировать под автоподставу. Главарь банды, похоже, отставник. Из армии или спецслужб.

Ковригов насторожился:

– О! И Бормышев сообщил, что тех, кто на них напал, возглавлял тип, похожий на отставника.

Старостин кивнул в подтверждение его догадки:

– Думаю, это один и тот же человек. А помощник у него – кавказец. Молодой парень.

Начальник управления прищурился:

– Чеченец?

– Нет, скорее из адыгов. Адыгеец, кабардинец или черкес.

– Ты прямо Шерлок Холмс. Как определил?

– Элементарно, Ватсон. Его имя – Науруз – распространено именно на Западном Кавказе.

Генерал-полковник озадаченно потер подбородок:

– Два покушения одновременно? Очень странное совпадение.

Седой криво усмехнулся:

– Вот в совпадения я как раз и не верю. И вообще – как учил товарищ Ленин, – случайность есть непознанная закономерность. Нужны подробности нападения на этого Бормышева. Если сопоставить детали обоих нападений, тогда, может, что-нибудь и выясним.

В дверь заглянул адъютант:

– Товарищ генерал-полковник, к вам генерал-майор Бормышев.

– Пусть войдет, – распорядился Ковригов.

Дверь распахнулась шире, и в кабинет четким строевым шагом вошел лысый верзила, который на трассе пытался наехать на седого пенсионера. И замер, увидев того в вице-адмиральском обличье. Удивился и Старостин.

Начальник управления представил их друг другу.

– Знакомьтесь, начальник первого отдела охраны генерал-майор Бормышев. А это начальник второго, оперативно-разведывательного отдела вице-адмирал Старостин.

Только тут генерал-полковник заметил, что оба его заместителя уставились друг на друга, словно пингвин и белый медведь. Вроде оба с полюса, только один с Южного, а другой с Северного.

– А вы что, – протянул Ковригов, – уже знакомы?

– Встречались, – процедил Старостин. Он буквально прожег вошедшего взглядом. – Так как вы сказали, генерал-майор, – «засада и шквальный обстрел»? И потери, говорите, имеются? Надеюсь, лично вас не зашибло?

Генерал-майор Бормышев внезапно побледнел. При этом кефирная белизна залила не только его лицо, но и всю лысину. Он что-то неразборчиво пробормотал и выбежал из кабинета генерал-полковника.

Старостин проводил его насмешливым взглядом и обернулся к Ковригову:

– Смотри-ка, а этот бледнеет. Юлий Цезарь таким не доверял, и я с ним согласен. Кто такой этот Бормышев, как он сюда попал?

Ковригов только вздохнул, шумно и удрученно. И махнул рукой.

– Из ФСБ перевели. Воспользовались случаем, чтобы избавиться. А туда он по большому благу устроился. Старший брат у него при Государственной думе обретается. А заодно обслуживает правительство и различные администрации. Консультант ООН.

– И крутая шишка?

– Круче некуда.

– Иди ты! Нет, серьезно? Он в Думе не спикером, случайно, калымит?

– Бери выше. Штатный колдун, астролог и экстрасенс. Неужели не слышал? Сеня Бормышев. Семен Яковлевич. Без его слова ни правящая партия, ни оппозиция шагу не сделают. И за бугром с ним постоянно советуются, даже в Вашингтон приглашают. Доверяют. Знаешь, как его прозвали? Партайгеноссе Борман. Ты говоришь – Цезарь таким бледным не доверял? А я так просто боюсь.

– Которого из двух? – уточнил Старостин.

– Обоих.

– Порчу наведут?

– Нет, гораздо хуже. Подсидят, – сообщил Ковригов обреченным тоном. – Нутром чую, копают под меня. Ты пойми, Григорьич, если меня съедят, ты под чутким руководством этих братьев Борманов и недели не продержишься. Выпрут.

Старостин беспечно улыбнулся:

– Да и хрен с ним. Мне уже давно на пенсию пора.

Но Ковригов не согласился:

– Если на себя наплевать, так хоть ребят своих пожалей. Такой начальник их либо нарочно подставит, либо по глупости угробит.

Вице-адмирал снисходительно прищурился:

– Моих ребят, Матвей Дорофеич, угробить не так просто. К тому же один из них, мы его Поручиком зовем, специалист как раз по таким начальникам.

– Это как?

– По-разному. Может слегка морду подрихтовать, а может и насовсем с довольствия снять. Со всех видов, невзирая на родственные связи, должность и звание. Любого. Потому и сидит до сих пор в старлеях, хотя давно должен был капитана третьего ранга получить. Пару раз я его от трибунала еле отмазал. А за братьев Борманов не переживай. Мы их на короткий поводок возьмем. Не рыпнутся. И не пискнут.

Дверь в кабинет распахнулась, и в дверной проем сунулся перепуганный адъютант:

– Товарищ генерал-полковник, у нас ЧП! Приехал премьер-министр Василий Васильевич Правдин!

Ковригов не понял:

– Ну и что? Где он?

Адъютант растерянно развел руками:

– Не можем найти. Пропал, как в воду канул!

Старостин спрятал улыбку под щеточкой усов:

– Утонул он, что ли?

Адъютант со страху забыл про субординацию и ответил просто:

– А кто его знает, может, и утонул...

И обескураженно замолчал.

3. ГЕНИИ ДЗЮДО

Когда они вышли из кабинета, Ковригов тут же умчался, а Старостин придержал за блестящую пуговицу его адъютанта:

– А где находится кабинет?..

– Ваш кабинет направо, – не дав ему договорить, выпалил адъютант.

– Нет, мне нужен кабинет генерал-майора Бормышева, – возразил Старостин.

– А это налево, – услужливо указал адъютант и поспешно скрылся вслед за начальником.

Роскошью отделки дверь кабинета начальника отдела охраны не уступала двери его шефа. Когда Старостин подходил к кабинету, дверь приоткрылась, и из нее выскользнул Бормышев. Несмотря на то что габаритами он значительно превосходил вице-адмирала, сейчас нахал выглядел скромно и незаметно. Как мышь. Увидев Старостина, он замер.

– Задержись, подонок, – тихо, но с угрозой проговорил Старостин. – Так кто там меня закопать собирался?

– Я это...

– И давно ты со своими пацанами гоп-автостопом промышляешь?

Бормышев снова принялся бледнеть.

– Я... не... да как вы могли подумать?! Это ошибка...

Старостин издевательски усмехнулся:

– Ну, где же ошибка? Лысый главарь с генеральским удостоверением, помощник-кавказец, менты на подхвате... Ты сводку происшествий хоть иногда читаешь?

Голос генерал-майора задрожал от обиды.

– Эту группу автоподставщиков задержали два дня назад. А я ничего такого... Просто хотел вас напугать...

Старостин искренне удивился:

– Меня? Напугать? Сопляк! Последний из тех, кто смог бы меня напугать, умер пять лет назад. Сказать тебе, как он умирал?

– Не... не надо.

Старостин прищурился, разглядывая коллегу:

– Ладно, проехали, как говорят мои орлы. Нам с тобой все-таки работать вместе. Но больше так не делай. Обещаешь? Хорошо. С ментами вопросы сам утрясешь. А пистолетик мой верни!

Бормышев растерянно зашарил в карманах, достал пистолет Старостина и протянул ему. Тот убрал оружие в кобуру.

– И вот что – передай брату, что мне с ним надо встретиться.

– А вы с ним знакомы? – совсем оробел генерал-майор.

Старостин впервые услышал фамилию братьев пять минут назад, но вел себя так, будто давно следил за ними.

– Знакомы? Много чести. Но, думаю, он обо мне слышал. Так не забудь, это надо сделать побыстрее.

Бормышев кивнул и полез в карман за трубкой мобильного. Старостин одернул его:

– Да не по телефону, это я и сам мог бы сделать. А сейчас иди искать премьер-министра. Куда он тут мог подеваться?

Бормышев обескураженно развел руками:

– Ума не приложу. Въехал на территорию спецобъекта – и исчез.

Старостин нахмурился:

– Бред какой-то! На территории спецобъекта невозможно исчезнуть! Ладно, пошли, поищем вместе.

Они вышли на крыльцо штаба. Суета и неразбериха, царившие до этого в «санатории», превратились в броуновское движение. Ковригов пытался руководить этим движением, а заодно и поисковыми мероприятиями. Он отправлял людей прочесывать самые отдаленные участки обширной территории спецобъекта. Два отделения из батальона охраны с полным боекомплектом вышли за ворота, чтобы обойти спецобъект по периметру с разных сторон.

– Не постреляли бы друг друга, – забеспокоился Старостин.

– Это они запросто, – процедил Ковригов.

И послал третью группу. Проконтролировать.

– Теперь точно постреляют, – сокрушенно вздохнул Старостин и спросил: – А на чем обычно премьер к вам приезжает?

Генерал-полковник не сразу отвлекся от черных мыслей.

– А? На чем приезжает? Да когда как. У нас же объект секретный, поэтому со всем кортежем сюда не сунешься. Когда на джипе, когда на «Мерседесе». Один раз на своей «Ниве» прикатил. Как думаешь, может, пора позвонить президенту, сообщить?

– Считаешь, он обрадуется? Нет, думаю, докладывать пока рановато.

Вице-адмирал прокручивал в голове самые различные варианты происшествия – от дезинформации до террористического акта. То, что дорожное нападение, которое вызвало утреннюю панику, оказалось нелепой выходкой самонадеянного идиота, еще ни о чем не говорило. То есть за ней вполне мог последовать и самый настоящий террористический акт. А может, премьер-министр еще только собирался ехать в Ватутинки, а бестолковые службисты уже доложили, что он приехал.

В таких случаях Старостин не надеялся ни на кого и разбирался сам. Будучи опытным разведчиком, он всегда предпочитал получать информацию лично и из первых рук. Он обвел округу цепким взглядом. Машин на территории было немного. С десятков у штаба, пара возле спортзала и продуктовый грузовичок перед хозяйственным флигелем. Вдоль ворот гордо прохаживался старший прапорщик Копняк. Всем своим видом он демонстрировал, что у него и мышь не проскочит. Старостин неторопливо направился к нему.

– Ну, как тут? – небрежно спросил он дежурного. – Премьер-министр еще не приезжал? Тот при приближении начальства вытянулся и козырнул своей ладонью-лопатой.

– Никак нет! Да что вы, товарищ вице... генерал!

– А кто после нас приезжал?

– Да был какой-то хмырь на «Хаммере». Аш три.

– В смысле – «Хаммер – эйч три»?

– Ну да, махонький.

– Понятно. Продолжайте нести службу, старший прапорщик. Вас, кстати, как звать?

– Мыкола. Николай то есть, – снова козырнул он ладонью-лопатой.

– В машинах хорошо разбираешься.

– А то! Я и водитель, и механик – высший класс. Прима-люкс!

– Эх, Мыкола, – вздохнул Старостин. – Кабы ты в людях так разбирался, я бы тебя к себе в отдел взял.

– Лейтенантом?

Старостин немного замялся. Врать он не любил.

– Ага... младшим лейтенантом.

– Да хоть самым младшим! Возьмите, будь ласка! Товарищ вице-маршал, да я вас... я вам...

Старостин окончательно смутился:

– Ну ладно. Поглядим.

И направился к спортзалу. У входа, рядом с «Субурбаном» Поручика, приткнулся черный лакированный «Хаммер» с затемненными стеклами. Это была модель «Н-3», уменьшен-

ная копия военного внедорожника, предназначенная для езды по городу. Машина с кучей недостатков, но страшно престижная. Генерал-полковник Ковригов, издали определив, куда направился его заместитель, заторопился туда же. В двери спортзала они вошли вместе.

– Где у вас тут зал борьбы? – спросил Старостин.

– Вон, направо по коридору, – указал Ковригов. – А почему ты думаешь, что он?..

– Интуиция, – отрезал Старостин.

Из-за двери борцовского зала послышался звучный шлепок, словно упало что-то увесистое. Потом раздался голоса.

– Вазари!

– Нет, максимум – юко. Давай в стойку.

Это был диалог людей, сосредоточенных на важном деле. Старостину вспомнились старые добрые времена, когда пенсионеры на бульварах и в скверах имели обыкновение собираться, дабы сгонять партейку в шахматы или домино. При этом игра обычно сопровождалась оживленными разговорами.

– А мы вашу пешечку съедим.

– А мы рокирнемся.

– Дуплюсь.

– Рыба!

– Шах и мат!

И здесь текст был похожий.

– А как вам «окури-аси-харай» – подсечку в темп шагов? Битте шён!

Бум! Последовал мягкий, но звучный удар тяжелого предмета о гулкий помост.

– Данке бардзо! А не угодно получить «о-сото-гари» – отхватик?

Послышалась громкая возня, затем восклицание:

– Отвечаю «о-сото-гаэси»!

Голос был уверенным, чуть хриловатым и хорошо знакомым. Его можно было часто слышать с экрана телевизора.

Раздался шум, изобличающий падение как минимум двух тел. За ним последовал негромкий смех довольного человека.

– Будем считать – «хикивака», ничья! – предложил голос, хорошо знакомый россиянам.

– А если удушью в стойке? За одноименные отвороты? – Старостин узнал в говорившем Поручика.

Вице-адмирал, конечно, не мог ждать, пока тот примется душить премьер-министра и экс-президента страны одноименными отворотами. Впрочем, разноименными тоже. И вошел в зал.

Пол помещения покрывали зеленые прямоугольники борцовского ковра-татами, образуя квадрат десять на десять метров. Посреди квадрата пытели двое в белых рубчатых дзюдоистских кимоно с черными поясами, вцепившись друг другу в отвороты курток.

Тот, что помоложе, как будто и в самом деле собирался задушить того, что постарше. Но это оказалось непросто. Тот вывернулся, перехватил своего более молодого противника за рукав и потянул на бросок. Но дзюдо не самбо. В его руках осталась только куртка, а ее обладатель сосиской выскользнул из своей оболочки.

– Согласен на ничью, – сообщил молодой.

Старостин кивнул на него Ковригову:

– Вот это Поручик. Который командиров и начальников фильтрует и в строгости держит. Я тебе про него говорил.

– А как он относится к главам государства и правительства? – с заметным беспокойством поинтересовался Ковригов.

– Не волнуйся, – утешил его Старостин. – Их он любит. Прямо души не чаёт. Да ты сам посмотри.

И в самом деле, Поручик хоть и попытался только что на их глазах, прямо в стойке, задушить премьер-министра страны Правдина, теперь обращался с ним весьма бережно и дружелюбно. Глава правительства платил ему тем же.

– Молодец! – радостно сказал Правдин. – Давно я так не потел. Ладно, пошли, сполоснемся.

Ковригов сунулся было к премьер-министру:

– Василий Васильевич! А мы вас...

Но тот только отмахнулся:

– Потом.

И направился следом за Поручиком в душ. Помещение было оборудовано двумя рядами кабинок. Недавние противники и тут заняли кабинки напротив друг друга.

– Ну что, поиграем в контрастные процедуры? – предложил Правдин.

Голицын кивнул. Они с друзьями часто так развлекались после тренировки. Для этого использовались две душевые кабины – лучше одна напротив другой, как сейчас. Сначала оба соревнующихся включали теплую воду. Постояв под ней некоторое время, один немного прибавлял горячей воды, а другой – холодной. И менялись кабинками. Потом тот, что был в горячей, делал ее еще немного горячее, а тот, что в прохладной, – немного холоднее. И снова менялись местами. Спустя несколько минут из одного душа лился едва ли не кипяток, а из другого – ледяной водопад. Проигрывал тот, кто не выдерживал первым.

Помывка сопровождалась громкими восклицаниями. Вспоминали тренеров.

– А ты Михалыча застал? – спрашивал Правдин.

– Из московского «Динамо»? А как же! Молоток был старик, – соглашался Поручик.

– Еще до московской Олимпиады, – вспоминал Правдин, – из Западной Германии два фирменных татами привезли для чемпионата Союза в Киеве. Так Михалыч их перехватил и у себя в зале постелил. Заныкал. Мы когда из Ленинграда в Москву приезжали, всегда на «Динамо» тренировались.

Поручик тоже предался воспоминаниям:

– А еще про Михалыча говорили, что на соревнованиях он привозит своих борцов за пять минут до конца взвешивания, за минуту до схватки начинает их обучать передней подножке, а во время схватки все время норовит выбежать на татами и проделать ее сам.

– Точно! – рассмеялся премьер. – А ты давно его не видел? Он сейчас в Красной Поляне банный комплекс строит для спортсменов. Там у него и финская сауна, и японская офуро, и русская баня, и турецкая...

Тут Ковригов не удержался, постучал в дверь душевой и сунул голову.

– Василий Васильевич, а мы вас обыскались! – осторожно напомнил он о своем существовании.

От кабинки с горячей водой валил пар, от холодной – чуть не ледышки разлетались. Но Правдин и Поручик, казалось, испытывали такое райское блаженство. И ни один из них, похоже, не собирался уступить.

– Сейчас выходим. Ну что, снова хикивака? – послышался сквозь шум воды голос премьера.

Поручик и тут не стал возражать и снова согласился на ничью.

Через минуту они вышли из душевой и направились в раздевалку. Старостин с Ковриговым опять вынуждены были деликатно расположиться при дверях. Наконец, посвежевший и слегка раскрасневшийся Правдин предстал перед ними.

– А мы тут с Денисом Васильевичем размялись немного, – пояснил он. – Технический паренек. И сильный. Запросто мог меня в стойке удушить захватом за одноименные.

Ковригов насупился:

– Да кто же ему разрешит душить главу правительства, да еще в стойке... Разве можно?

Но Правдин отмахнулся:

– Можно, еще как. Это же дзюдо – победа умом. Чувствую, пожалел он меня.

– Что есть, то есть, – пробормотал Седой. – Добрый он, даже слишком. Я ему часто говорю, что доброта его погубит. Только все без толку. Он же у нас двухпроцентник.

Правдин не понял. Старостину пришлось ему разъяснить:

– Дело в том, что если спецподразделение более двух месяцев не выходит из близкого боевого контакта, то девяносто восемь процентов его личного состава сходит с ума. Это статистика. Резать глотки, стрелять в упор и ходить по трупам непросто. Но, как правило, до этого не доходит. Так долго наши спецы не воюют, это вам не окопные сидельцы.

– А кто же составляет те два процента, которые не сходят с ума? – осторожно поинтересовался премьер-министр.

Старостин зевнул:

– Психопаты. То есть те, у которых уже до этого мозги были набекрень. В обычной мирной жизни такие люди представляют серьезную опасность для окружающих, но в подобной боевой ситуации становятся главной ударной силой подразделения, подлинными героями. Больше того, чем больше в составе подразделения таких двухпроцентников, тем больше у него шансов на победу.

– Так вы хотите сказать, что ваш Поручик психопат? – Премьер-министр поежился.

Вот так борешься с человеком, думаешь – нормальный. А он и вправду задушить может.

– Нет, – успокоил его вице-адмирал. – Тут другое. Среди этих двух процентов очень редко, но встречаются абсолютно нормальные люди. У них исключительно устойчивая психика, они прирожденные лидеры, хотя и никогда не рвутся к руководству. Предпочитают отвечать за себя. Они не агрессивны, но с психопатами их объединяет одна общая особенность. Они способны убивать и не испытывать ни малейших переживаний. Поручик, например, превращается в настоящую машину для убийства, приводя себя в особое состояние. Обычно он включает его с помощью обратного отсчета – с пяти до нуля. Потом убьет несколько супостатов, которые этого заслуживают, и опять душа-человек.

Правдин хотел еще что-то спросить, но тут, тяжело дыша и отдуваясь, с улицы притопал генерал-майор Бормышев. Он с виноватым видом утирал платком пот с лысины.

– А мы вас в штабе ждем, – протянул он.

Премьер-министр только руками развел.

– Я не виноват, меня на воротах дежурный не пропустил. Солидный такой и очень строгий. И – надо же – мой водитель свое удостоверение забыл в другом пиджаке, а я по наивности вообще без удостоверения езжу. И без паспорта. Думал – все в лицо знают. А тут вахтер не пропустил. Спасибо, что не выгнал, а разрешил в спортзале перекантоваться. Здесь мы с Денисом Васильевичем и познакомились, а заодно и размялись немного. Так что я даже доволен.

Бормышев сильно расстроился, поскольку дежурный на воротах находился в его подчинении. Генерал-майор вытянулся и щелкнул каблуками дорогих ботинок.

– Разберемся и накажем! – заверил он главу правительства.

– Да я не обиделся, скорее совсем наоборот, – внес ясность Правдин.

– Тем более. Все равно накажем, – брякнул Бормышев.

Премьер с сочувствием взглянул на Ковригова и вышел на улицу. Ковригов и Бормышев пристроились следом. Старостин немного отстал. Дождавшись Поручика, он придирчиво оглядел его с ног до головы и похлопал по плечу.

– Растешь, Денис Васильич! – одобрительно сказал вице-адмирал. – Сегодня в душ с премьер-министром, завтра – глядишь – в сортир с патриархом. А что же послезавтра – в пла-

нетарий с президентом? Ладно, идем с нами, посидишь, послушаешь. Может, ума наберешься. Тебе не мешает.

4. СОВЕЩАНИЕ

В кабинете начальника главка их уже ждал огромный, в четверть футбольного поля, накрытый стол. Ничего лишнего, только скромные закуски. То же и с напитками – водка, коньяк, для Правдина виски «Джонни Уокер» с синей этикеткой.

В красном углу кабинета висели портреты президента и премьер-министра. Правдин скептически посмотрел на свой портрет. В прошлый приезд здесь еще висел портрет Ельцина. Бормышев поймал взгляд главы правительства и не упустил случая прогнуться.

– Вот, мы вас повесили! – радостно сообщил он.

– Сядь! – рявкнул на него Ковригов.

Генерал-майор стремительно рухнул на стул. Тот застонал, но выдержал. Из нижних чинов, кроме Поручика, в кабинете присутствовал помощник Бормышева – молодой, немногим старше Поручика, подполковник Науруз Берзекев.

Первым слово для выступления взял премьер-министр Василий Васильевич Правдин.

– Итак, первое совещание новой структуры объявляю открытым, – объявил он. – Главное управление федеральной антитеррористической разведывательно-оперативной службы, сокращенно ФАРОС, создано с целью собрать все имеющиеся у нас силы и средства для борьбы с международным терроризмом в один кулак и скоординировать действия всех антитеррористических служб. Новые террористические акты продемонстрировали полную неспособность силовых структур справиться с терроризмом привычными способами и слабость оперативно-разведывательной работы. Ваша служба создана из сотрудников двух ведомств – ФСБ и ГРУ. В дальнейшем вы будете работать в тесном контакте и со своими бывшими коллегами. Вам предстоит разнообразная деятельность – от войсковых операций до экономических расследований. Слово начальнику главка, генерал-полковнику Ковригову. Пожалуйста, Матвей Дорофеевич.

Ковригов покашлял в кулак и заявил:

– Вы поручили мне возглавить работу новой федеральной службы. И правильно сделали. Времена меняются, меняются и террористы. Если во времена Ясира Арафата террористы получали деньги от различных фондов, то теперь бандиты сами проникли в эти фонды и сами распределяют деньги. А для пополнения фондов не брезгают откровенным рэкетом. Проникли они и в другие серьезные организации. Подробнее об этом доложит мой первый заместитель – вице-адмирал Старостин.

Бормышев встрепенулся.

– Но я как начальник первого отдела... – начал было он.

Тут Ковригов нахмурился и буркнул тихо, но отчетливо:

– Помолчи. Профилирующим в нашем управлении является второй, оперативный отдел. Твое дело – охрана, ей и занимайся. Твой номер – «шишнадцатый». Потому молчи и слушай. Илья Григорьевич, прошу.

Старостин встал:

– Мы пришли в ФАРОС не с пустыми руками. Мой отдел раньше находился в структуре разведки флота ГРУ. В ходе борьбы с международным пиратством мы не раз убеждались в том, что за спиной пиратов зачастую скрываются террористы. Они координируют и направляют действия пиратов, а иногда используют их, чтобы отвлечь внимание от своих действий. Мы воспользовались этим в обратной последовательности – через оперативные связи в среде пиратов внедрили в ряды террористов агента. Его оперативный псевдоним Дервиш. Буквально вчера от него получена очень ценная информация. Позже все присутствующие смогут с ней ознакомиться. На случай, если кто не владеет компьютером, – тут вице-адмирал ненароком бросил взгляд на Ковригова, – я сделал распечатку.

Правдин, извинившись, прервал доклад:

– Простите, Илья Григорьевич, нельзя ли остановиться подробнее на связях наших домо-рошенных террористов с международными организациями, в частности с «Аль-Каидой»?

Старостин покачал головой:

– К сожалению, «Аль-Каида» на сегодняшний день уже не является самой опасной из террористических организаций. После устранения Усамы бен Ладена и избрания на его место Аймана аз-Завахири от нее отделились несколько непримиримых и куда более радикальных группировок.

– И чем же они недовольны? – спросил Правдин.

– Вялостью основной организации, ее склонностью к оппортунизму. Радикалы считают, что новое руководство «Аль-Каиды» думает только о деньгах, вместо того чтобы вести войну на уничтожение неверных.

Правдин усмехнулся:

– Мы в детстве про таких говорили: «Уволен из гестапо за жестокость».

– Именно, – согласился Старостин. – И самая радикальная из этих радикальных группировок – «Аль-Накба». Вы, конечно, знаете, что означает это слово. Для арабов «Накба» то же, что для евреев «холокост» – «катастрофа». Этим термином палестинцы называют свое изгнание во время войны сорок седьмого – сорок девятого годов. Пятнадцатого мая они отмечают День Накбы. На Западе их зовут каламитами, потому что по-английски катастрофа – «кэлемити». Как ни странно, группировка «Аль-Накба» зародилась далеко от Палестины, в Алжире. Там она, в свою очередь, откололась от одной из самых засекреченных организаций – «Вооруженной исламской группы». Некоторое время «Аль-Накба» существовала на правах ячейки «Аль-Каиды», но потом накбаиты начали самостоятельную деятельность. Идеологию этой организации формально определяют крайние салафиты-фундаменталисты. Но ислам для них служит лишь прикрытием, на самом деле идеология накбаитов – сатанизм манихейского толка. Их цель – не освобождение, а уничтожение. Террористические акции накбаитов отличаются чудовищной жестокостью. Руководит организацией «Аль-Накба» главарь по кличке ад-Даджал.

– Как? – удивленно воскликнул Правдин. – Но ведь Даджал в переводе с арабского означает...

– Антихрист, лжемессия, – подсказал Старостин. – Хорошая кличка для террориста. По нашим сведениям, именно он финансировал недавние взрывы в московском метро. Сейчас он готовит целую серию террористических актов по всему миру, в том числе и в исламских странах. Состав банды также интернационален, но военное ядро составляют арабы, пакистанцы и суданские негры. Впрочем, сейчас по всему миру идет активная вербовка новых членов. Для этого в открытую используются различные международные организации вплоть до Организации Объединенных Наций. Один из функционеров ад-Даджала, Усама бен Масих, занимает в ООН высокое положение и прикрывает им свою террористическую деятельность. И при этом свободно путешествует по западным столицам.

Ковригов неожиданно выругался.

– Этот Запад допрыгается! – возмущенно пророкотал он. – Одной рукой они с террористами борются, другой их по шерстке наглаживают...

С ним согласились. Потом перешли к оценке сведений, переданных агентом Дервишем. Они касались местонахождения секретных баз, заложенных террористами в разных странах.

Правдин задал вопрос, интересовавший всех:

– Что мы будем делать с этой информацией?

– Может, возьмем да и прихлопнем эти осиные гнезда? Сами, – предложил Бормышев. – Чем мы хуже америкашек?

– Авантюра, – буркнул Ковригов.

Старостин посмотрел поверх голов в угол кабинета, где скромно сидел старший лейтенант Голицын.

– Денис Васильич, что скажешь?

Поручик встал и вытянулся по стойке «смирно».

– Легко, вашбродь! Пустим их, как барашков, на шашлык, они и мякнуть не успеют.

– Ну а серьезно? – спросил Правдин.

– Я на работе не шучу, – обиделся Поручик.

– Он не шутит, – подтвердил Старостин. – И сам не шутит, и другим не дает.

Правдин впился глазами в лежавший перед ним список.

– Здесь четырнадцать объектов, в разных концах мира. Уничтожив один, даже два, мы спугнем остальных.

– А мы по-тихому, – пояснил Поручик. – И когда они почувствуют опасность, будет уже поздно.

– Но если что-то пойдет не так, кто за это отвечать будет? – Правдин обвел присутствующих пронизательным взглядом.

Услышав про ответственность, Бормышев неуверенно почесал лысую башку.

– Тогда, может, лучше передать информацию нашим зарубежным коллегам? Им на местах виднее. Это же серьезные спецслужбы Англии, Франции, Японии, тех же Штатов! Им же наверняка не понравится, если мы будем работать у них под носом. А если утечка или потихому не получится? Тут не просто ответственность, дело чревато международным конфликтом!

Все оглянулись на Старостина, ожидая, что он скажет. Тот ответил, как отрезал:

– Или это сделают мои парни, или не будет никакой операции. Иначе я не смогу гарантировать режим секретности.

Правдин посмотрел на него в упор:

– Считаете, что французы, американцы и остальные плохо знают свое дело? Они как-никак профессионалы. Бен Ладена же убили...

Лицо вице-адмирала исказилось от скорбной гримасы.

– Ну да, профессионалы... ремесленники. Подумаешь, бандита убили! А живым взять не сумели. Нет, тут требуется не ремесло, а искусство. Может, они возьмут террористов, а может, нет. Но моего агента они точно спалят. А что вы сами подумаете, если вдруг одновременно, да еще в разных странах, будут захвачены полтора десятка ваших засекреченных объектов?

– Утечка, – в унисон, хором произнесло несколько голосов.

– Именно! Знаете, когда разведка Черчилля во время Второй мировой войны сумела взломать немецкую шифровальную машинку «Энигма», он предпочел допустить бомбардировку и уничтожение английского города Ковентри, лишь бы не дать немцам понять, что их шифр раскрыт. Спалить ценного агента недолго, для этого ума не надо. А что получим взамен? Накроем десяток баз с оружием и взрывчаткой, ликвидируем несколько десятков боевиков... А сколько останется? К тому же сегодня их ловят, а завтра выпускают. Что им, в конце концов, можно инкриминировать? Может быть, злобные замыслы? А конкретно – ничего. Разве что догадаются наркоту в карман подбросить, да и то вряд ли. Разрабатывать их надо, терпеливо и грамотно. И брать тихо и не всех сразу, чтобы не спугнуть. И потрошить без прессы и адвокатов. А вот когда узнаем все их планы – что, где, когда и чем они собираются взрывать, – тогда и брать можно.

Правдин задумчиво потер мочку уха:

– Допустим, что операцию будут проводить ваши люди. Вы гарантируете, что они смогут узнать секретные планы террористов? Как они это сделают?

Старостин поджал губы:

– Я не в курсе. Мои ребята мне не все рассказывают. Это их профессиональные секреты. Денис Васильевич, – обратился он к Поручику, – вы не хотите поделиться с присутствующими вашими профессиональными секретами?

Поручик дисциплинированно поднялся и вытянулся по стойке «смирно».

– Никак нет, – твердо сказал он.

– Я так и думал, можете присесть, – кивнул Старостин и повернулся к премьер-министру. – Видите, и вам не говорит. Но, если захотят, они все узнают, за это я ручаюсь.

Правдин поднялся:

– Ладно, будем считать, что наше первое заседание прошло в мирной и дружественной обстановке. О том, как лучше распорядиться полученной от Дервиша информацией, пусть каждый подумает и составит записку. К этому разговору мы вернемся через неделю. Я буду лично курировать работу ФАРОСа.

– А теперь прошу всех к столу! – потребовал Ковригов. – На дружеский перекус.

Правдин сдвинул брови. Потом вернул их на место.

– Не годится обижать хозяина, – сказал он как бы сам себе.

Его дружно поддержали. Впрочем, от виски и прочих крепких напитков премьер решительно отказался.

– Я за рулем.

– Как? А водитель? – не понял Ковригов.

– Я за рулем государственной машины, – пояснил глава правительства.

Подумав, с ним согласились. Премьер посмотрел, как собравшиеся наливают себе, и заскучал. В самом деле, один непьющий может испортить все застолье.

– Разве что немного шампанского, – сказал он.

Замечание прошло на ура. Ковригов собственноручно – он явно гордился своим виртуозным умением открывать шампанское – извлек из холодильника увесистый «жеробоам» – трехлитровую бутылку «Кристалль Луи Родерер», снял фольгу с пробки, раскрутил мюзле (кто не знает – это проволочный намордник на пробке-шампанке) и, придерживая пробку салфеткой, принялся считать.

– Пять! Четыре!..

– Стоп! – Старостин гаркнул так, что бутылка едва не выпала из железных рук генерал-полковника. – Не надо отсчета, – попросил он уже нормальным голосом. И пояснил для непосвященных: – Примета плохая.

При этом он взглянул на Поручика. Тот и в самом деле выглядел несколько необычно. Вроде как собрался не выпивать, а драться. Но все обошлось, и старший лейтенант снова расслабился.

– Не надо так не надо, – пожал плечами Ковригов.

Он смахнул пробку, сопроводив движение легким хлопком и дымком, поднявшимся над горлышком бутылки. Поскольку употребление игристого вина заранее предусмотрено не было, то и фужерами не запаслись. Пришлось осуществить розлив куда придется – кому в чашку, кому в стакан. Старостин получил свою любимую алюминиевую кружку, Поручик – квадратный тяжелый стакан для виски, так и не использованный премьером.

Машину премьер-министра вышли провожать все присутствующие на совещании. Проводы выглядели весьма трогательно. Поручик подумал, что неплохо было бы помахать вслед «Хаммеру» платком, но сдержался. Его платок не отличался нужной степенью свежести.

На воротах торчал сам начальник комендантского отделения в чине майора. Бормышев сдергито уставился на него пронзительным гипнотизирующим взглядом.

– Какой идиот потребовал удостоверение у премьер-министра? – угрожающе процедил он.

– Ко... Копняк, – проблеял, заикаясь, майор.

– В каком он звании?

– Ста... ста... старший...

Но Бормышев не счел нужным его дослушивать.

– Понизить его в звании, на хрен! Сколько у него звездочек?

Майор вытянулся.

– Т... три...

– Одну долой! – рявкнул Бормышев. – Нет, две долой! Пусть побеждает младшим лейтенантом.

Майор неловко закашлялся.

– Так ведь он же не...

Но генерал-майор снова резко оборвал его:

– Будет младшим лейтенантом, я сказал! И никаких возражений, кр-р-ругом-шагом-марш! Не рассуждать, выполнять бегом!

Майор с растерянным лицом пожал плечами, отдал честь, повернулся и ушел в дежурку. Старостин, Ковригов и Поручик поспешно скрылись в здании штаба.

Генерал Ковригов плотно прикрыл наружную дверь и пробормотал себе под нос:

– Конечно, первый блин всегда комом, но после такого бурного начала у нас теперь все должно пойти как по маслу.

У всех появилось какое-то тревожное, нехорошее предчувствие. И только старший прапорщик Копняк, в одну минуту ставший младшим лейтенантом, был абсолютно счастлив.

5. КАК ПО МАСЛУ

Генерал-майор Леонид Яковлевич Бормышев, не глядя, подмахнул приказ о превращении старшего прапорщика Копняка в младшие лейтенанты, собрался и уехал. Направился он напрямик в столицу, в самый ее центр, где на Охотном Ряду высилось здание Государственной думы. Там и находился кабинет международного политика, штатного думского психолога и экстрасенса Семена Яковлевича Бормышева.

Генерал вошел без стука. Брат, увидев его, с явным неудовольствием оторвался от экрана компьютера.

– Леня, на тебе лица нет. Что стряслось? Немцы в городе?

Он поднялся из-за стола. В то, что эти двое являются братьями, верилось с трудом. Старший, Семен Яковлевич, был щуплым, невысоким, почти на две головы ниже младшего, Леонида Яковлевича, зато обладал роскошной шевелюрой. И глаза. Глаза были похожи. Но если взгляд старшего брата, казалось, пронизывал собеседника, как рентгеновский луч, то про младшего обычно говорили: «Нахально вылупился».

– Тобой интересуется разведка, – выпалил лысый гигант.

Старший Яковлевич усмехнулся уголками губ, но глаза смотрели серьезно.

– Хорошо, что не контрразведка. Рассказывай.

Бормышев-младший вкратце передал содержание своего разговора со Старостиным, а заодно и то, что услышал про секретного агента Дервиша. Семен Яковлевич наморщил лоб, прикрыл веки и зашевелил губами. Таким способом он обычно думал. Наконец он взглянул на брата. При этом заговорил с раздражением, чего никогда себе не позволял.

– Вице-адмирал, говоришь? Старостин? Не знаю такого. Да и знать не хочу. И встречаться с ним не имею ни малейшего желания. Ну не нравится он мне. Если хочешь, называй это интуицией. Ладно, давай к делу. Показывай свой секретный материал, что еще за Басмач?

– Дервиш, – поправил младший брат и протянул распечатку.

Но Бормышев-старший уже погрузился в чтение. Читал внимательно, только тихо приговаривал:

– Интересно, интересно...

Прочитав последнюю страницу, он отложил бумаги в сторону. Задумчиво побарабанил пальцами по палисандровой поверхности письменного стола. Потом снова уставился на брата, внимательно и испытующе.

– И как ты видишь дальнейшее применение этих листочков?

Тот озадаченно потер лысину:

– Ну, я думаю, ты как консультант-футуролог поставишь в известность спецслужбы указанных стран. Ты же состоишь при межправительственной комиссии. В результате твой авторитет как консультанта поднимется до уровня – выше некуда. И ты воспользуешься им для того, чтобы сделать меня начальником Федеральной антитеррористической службы. Тогда у меня появятся новые возможности помочь тебе. И ты поможешь мне подняться на очередную ступеньку.

– В премьер-министры, что ли, метишь? Или уж сразу в президенты?

– А как тебе удобнее?

– Меня бы ты больше устроил в качестве президента США. Но ты там не родился, так что проехали. Может быть, сделать тебя Генеральным секретарем ООН? У меня там все схвачено... Ладно, я подумаю. Блин, как же все не вовремя!

Младший брат-генерал насторожился:

– У тебя проблемы?

Семен попробовал уйти от ответа:

– Да как тебе сказать...

Но Леонид не отставал. Наконец, старший нехотя признался:

– Я тут в Питере, в университете, лекции читал. Ну, и познакомился кое с кем.

– С бабой, что ли? – презрительно фыркнул младший.

– С какой бабой?! С девушкой! Проблемы у нее, так я обещал помочь.

– И что за проблемы?

Семен покачал головой:

– Это тайна.

У младшего брови полезли чуть ли не на темечко.

– Ну, ни хрена себе! Я ему государственные тайны выложил, а он от меня интим с мочалкой засекретил!

Несмотря на разницу в росте, Семен Яковлевич посмотрел на генерала сверху вниз. И похлопал по плечу.

– И правильно делаешь, от старшего брата ничего скрывать нельзя. Поживешь с мое – поймешь.

– Как хоть ее зовут?

– У нее красивое имя – Олимпиада.

– А главное – редкое, – усмехнулся Леонид. – Если у нее проблемы, посоветуй ей сменить фамилию.

– Что ты предлагаешь? – не понял Семен Яковлевич.

– «Сочинская». Если ее будут звать Олимпиада Сочинская, то проблем у нее не будет.

По крайней мере, до две тысячи четырнадцатого года, – пояснил генерал.

– У тебя прорезалось чувство юмора? Никогда раньше не замечал.

– Жизнь заставляет, – вздохнул генерал.

И он рассказал старшему брату об утреннем приключении на дороге. Тот долго смеялся.

– Значит, ты хотел проучить этого старого козла, а он оказался твоим соратником, да еще старшим по званию? Я же говорю, что ты недостаточно уважаешь старших! Да, забавно получилось, но ты тут действительно ни при чем. Это комизм жизни... Ну хорошо. Сделаю по-твоему, прямо сейчас и отправлюсь, – он еще раз пробежал глазами донесение Дервиша. – Для начала к натовцам, оттуда в Париж, потом в Прагу. Покручусь немного в Европе, дальше махну в Японию, давненько там не бывал.

– А в Афганистан?

Старший брат взглянул на младшего как на дурака.

– Я что, самоубийца? В Брюсселе свяжусь с американцами, пусть они сами свои проблемы расхлебывают. Но сначала заедем в одно злчное местечко, расслабимся немного.

– Немного вина, немного секса, – в тон ему продолжил генерал. – А как же твоя Олимпиада?

– Олимпиада – мечта поэта и романтика, не смей пачкать ее своими грязными помыслами, – с достоинством ответил Семен Яковлевич и повернулся к секретарше: – Мальвина, детка, возьми нам с тобой на завтра билеты до Парижа через Брюссель. Нас не будет несколько дней. Вернемся к выборам. А сейчас я отъеду, мне нужно пообщаться с братом в спокойной обстановке.

Бормышев-младший мельком скользнул взглядом по яркой секретарше, которую его брат даже не удостоил собственного имени. Всех своих любовниц он для удобства именовал Мальвинами. Чтобы не путаться.

На распоряжение шефа секретарша Мальвина ответила таким взглядом, исполненным ненависти и презрения, что заметивший это генерал даже испугался. Но он привык относиться к старшему брату с уважением и полагал, что тот знает, что делает.

Братья спустились вниз и вышли к стоянке. Здесь стояла машина, которую Семен Яковлевич арендовал вместе с мигалкой и спецсигналами у одного из депутатов Государственной думы. Тут генерал спохватился:

– Не советую ехать на твоей машине. У тебя номера «АМР», а быдло на трассе просто звереет, когда видит членовоз с мигалкой. Давай на моей. Буквы «ЕКХ» еще пока уважают. Да и за рулем у меня верный человек. Джигит, орел. Подполковник, между прочим. Он парадным лимузином на Красной площади управлял. Такой не продаст. А если и захочет продать, ему столько никто не заплатит.

Генерал весело заржал и махнул издали ждавшему в машине подполковнику Берзехову:

– Науруз, заводи! – И повернулся к брату. – Но только запомни – секретность превыше всего. Террористы ни за что не должны догадаться, что у них в штабе утечка.

Семен Яковлевич скорчил гримасу невыразимого страдания.

– Леня, о чем ты? Те, к кому я собираюсь обратиться, – профессионалы высочайшего класса. Секретность у них в крови, на уровне инстинкта.

Он неодобрительно покачал головой, но возражать не стал и последовал за братом в его машину. Мысленно он уже общался с высочайшими профессионалами – руководителями международных антитеррористических сил – и представлял, как поразит их своим даром предвидения.

Ситуацию осложнял один неприятный момент. Дело в том, что господина Усаму бен Масиха, подозреваемого в связях с террористами, привел в ООН сам Семен Яковлевич. Тогда Бормышев собирался использовать его в своих целях. Но вышло так, что где-то просчитался. Позже он пожалел о своем решении и попытался задвинуть своего протеже. Но, оказалось, уже поздно. Теперь Семену Яковлевичу самому приходилось опасаться своего орудия. Не зря говорят мудрецы: «Тот, кто пытается натравить бешеную собаку, может пострадать первым».

Северная Америка

Территория на юге штата Монтана очень живописна. Поросшие травой холмы перемежаются лесами и пересекаются реками. Далеко на западе возвышаются отроги Скалистых гор. Дальний Дикий Запад. Где-то в этих краях индейские воины Сидящего Быка окружили и вырезали до последнего человека отряд храброго, но самонадеянного полковника Кастера. Не пощадили ни людей, ни лошадей. Говорят, из всего отряда выжил только гнедой жеребец по кличке Команч.

На склоне горы стоял дом из толстых сосновых бревен, обнесенный вокруг высоким забором. На туристических картах он значился как этнографическая реконструкция торгового форта середины XIX века. При желании здесь и в самом деле можно было отбиться от военного отряда индейцев и от наряда полиции.

Во всяком случае, главарь террористической группировки накбаитов Абдул Серхан чувствовал тут себя в полной безопасности. Террористы перебравшись в леса Монтаны из Сент-Луиса, где группа арендовала склад автомобильных запчастей. Но в один прекрасный день подозрительным складом вдруг заинтересовались агенты ФБР. Пришлось срочно собрать людей, оружие, взрывчатку и забраться подальше в глушь.

Группа Серхана была занята подготовкой серии террористических актов в крупнейших городах Соединенных Штатов: Нью-Йорке, Лас-Вегасе, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сиэтле и Бостоне. Города были расположены как на западном, так и на восточном побережье Северной Америки. В этом смысле база на юге Монтаны была удобна еще и тем, что находилась почти в центре страны, приблизительно на равном удалении от предстоящих мест проведения акций.

Абдул Серхан собрал людей для последнего инструктажа. В большом сарае ждала своего часа упакованная в специальные контейнеры взрывчатка. Для переброски людей и груза были задействованы вертолеты. После катастрофы 11 сентября спецслужбы стали проявлять повышенное внимание к самолетам. На вертолеты же пока не обращали никакого внимания.

Группа Серхана собралась во дворе. Абдул приказал им построиться. Выполнение простых команд дисциплинировало и мобилизовало бойцов. Из-за ближних гор послышался шум. К базе приближался вертолет. Серхан напрягся, правда, не очень сильно. Он ждал прибытия арендованных вертолетов, но не сейчас, а немного позднее.

Вертолет приблизился. Серхану его вид не понравился. Он не мог ручаться, но ему показалось, что вместо заказанного транспортника он видит ударный боевой вертолет «Апач». А спустя несколько секунд террорист уже ясно разглядел на пилонах закрепленные ракеты и связки шестиствольных электрических пулеметов.

А еще через секунду «Апач» обрушил на сравнительно небольшую огороженную территорию базы всю свою огневую мощь. Половина бойцов была сразу же скошена и искрошена пулеметными очередями. Следом ударили ракеты, от взрыва которых сдетонировала сложенная на складе взрывчатка. Взрыв получился не таким сильным, как в Хиросиме, но тоже довольно мощным. Пламя бушевало долго, пока не пожрало все тела и постройки. Из числа террористов не спасся никто.

Спустя полчаса, когда огонь немного утих, неподалеку от места взрыва опустился длинный, как автобус, транспортный вертолет «Чинук» с двумя винтами. Но и он был не из тех вертолетов, которые так ждал Серхан. На «Чинуке» прилетели два взвода морских пехотинцев. Они десантировались с борта вертолета и рассыпались по окрестностям. До темноты бойцы тщательно прочесывали склоны горы и соседние перелески, но так никого и не нашли. С базой было покончено.

Париж

Ранним утром по улице Вожирар, которую краеведы-историки считают самой древней и самой длинной улицей Парижа, привлекая внимание встречных мужчин, шла яркая блондинка. Звали ее Далида. Разумеется, это было не имя, а кличка. Подпольная кличка.

Далида была египтянкой, ее родители, функционеры националистической арабской партии «Миср аль-Фатат», неоднократно запрещенной и переименованной, после окончательного запрета организации в 2000 году переехали во Францию.

Далиду абсолютно не интересовали идеи панарабизма и всеобщей исламизации. Просто ей нравилось жить на адреналине. Но при этом те, кто искал острых ощущений посредством экстремального дайвинга, альпинизма или прыжков с парашютом, вызывали у нее глубочайшее презрение. Нет, она предпочитала идти другим путем. Адреналин должен был составлять основу ее жизни, а не играть роль временного развлечения. И только так.

Поэтому уже в ранней молодости Далида связалась с экстремистами. Причем не с одной группировкой, а сразу с несколькими – с исламистами, леваками, антиглобалистами. Это было гораздо интереснее, к тому же предоставляло возможность выбора.

Но Далиде не нравилось, что все ее новые знакомые все-таки больше болтали, чем боролись. Поэтому время от времени она общалась и с криминальным миром. Бандиты болтали меньше, а стреляли чаще. Но и здесь преобладали понты, а зачастую и коммерческие интересы.

Однажды в гости к ее отцу зашел старый друг. Это был очень уважаемый человек, шейх Усама бен Масих. Точнее, не шейх, а пир. И не простой, а Великий Пир. Он сам просил, чтобы его так называли. Пир – не просто учитель. Он – личный наставник мюрида. Усама бен Масих претендовал на то, чтобы быть личным наставником сотням и тысячам своих последователей. Да и само его имя, точнее, прозвище – бен Масих – означало «сын мессии».

Выглядел он импозантно. Высокий, широкотелый, с черными как смоль кудрявыми волосами. На переносице его имелся едва заметный шрам – следствие операции после ранения в голову. Позже она узнала, что в том бою он едва не потерял один глаз и теперь почти им не видит. Но это только прибавляло ему шарма и величия.

Узнав о широте интересов Далиды, он предложил ей интересную и хорошо оплачиваемую работу. Для начала дал задание познакомиться с популярным журналистом, известным своими разоблачительными расследованиями. Она не только познакомилась с журналистом, но и очень быстро оказалась в его постели в квартире на улице Вожирар.

Когда Усама бен Масих приказал Далиде убить журналиста, она не удивилась. И задание уничтожить информацию на его компьютере восприняла как само собой разумеющееся. К тому же она успела выяснить, где, в каких электронных почтовых ящиках журналист хранит продублированную информацию.

Она застрелила журналиста из малокалиберного пистолета, снабженного глушителем, когда тот принимал ванну. Потом вызвала группу зачистки. Они приехали на красно-белом микроавтобусе «Скорой помощи» с красным шестиконечным крестом и надписью «SAMU». Труп закрепили на носилках, вывезли в пустынное место и закопали. В опустевшей квартире было решено создать временную базу «Аль-Накбы».

Следующее задание, которое получила Далида, было совсем простым. Ей нужно было встретить в парижском международном аэропорту Руасси-Шарль-де-Голль семью «туристов», наркокурьеров-глотателей из Афганистана, и доставить в расположенный на полпути к Парижу пригород Сен-Дени. Когда-то это место было известно монастырем – усыпальницей французских королей. Сейчас район славился необычайно высоким уровнем преступности и являлся обиталищем иммигрантов, преимущественно арабского происхождения. Здесь в одной из дешевых квартир и находился прямо-пересыльный пункт наркокурьеров.

Но несложная процедура едва не обернулась провалом. У женщины-курьера в желудке вскрылся один из контейнеров с героином. По дороге из аэропорта, прямо в машине, ей стало плохо. Но Далида не утратила присутствия духа. Она завезла остальных членов семейства на конспиративную квартиру, где те остались ждать «разгрузки», а больную повезла «в больницу».

Отъехав подальше, Далида остановила машину в безлюдном проулке, где хладнокровно застрелила перевозчицу из того же малокалиберного пистолета с глушителем. Стреляла она в упор, в голову, чтобы случайно не повредить оставшийся товар. Затем она снова обратилась к группе «зачистки». Те приехали, перегрузили тело женщины в свой медицинский фургон, там же вскрыли брюшную полость, извлекли груз, а тело отвезли и закопали рядом с журналистом. Позже Далида сообщила семье женщины, что та умерла в больнице.

С тех пор прошло немало времени. За это время пустырь, где были зарыты журналист и перевозчица наркотиков, успел превратиться в небольшое кладбище. Но все это было мелочью по сравнению с предстоящей акцией. Все приготовления были закончены. Оборудование и оружие было сложено в квартире на улице Вожирар. Здесь же должны были собраться все участники акции. Далида посмотрела на часы белого золота, украшенные крупными бриллиантами. Часы были сняты ею с одной из жертв на память. Она немного опаздывала, соратники должны были уже собраться.

Когда она вошла в подъезд, то сразу поняла, что попала в ловушку. Запах металла и кожи вернее, чем гадание на кофейной гуще, подсказал, что помещение кишит полицейскими. Значит, квартира провалена и окружена. Она, конечно, могла поднять шум, предупредить соратников, пожертвовав собой... Нет, подобная глупость даже на секунду не пришла ей в голову.

Вместо того чтобы воспользоваться лифтом, который теперь превратился в мышеловку, она направилась к лестнице. В полумраке подъезда мелькнула тень. От стены отделился человек – полицейский в бронежилете – и загородил дорогу.

– Туда нельзя, мадам! Там проходит полицейская...

– Мадемуазель! – с негодованием поправила Далида.

При этом она быстрым движением извлекла из сумочки свой незаменимый малокалиберный пистолет с глушителем и выстрелила полицейскому под нижнюю челюсть. Так, чтобы пуля пробилась основание языка и вошла в череп. Ни крикнуть, ни задуматься. Он стоял на ступеньку выше, поэтому прием прошел как по маслу, без шума. Полицейский сполз по стене и растянулся на лестнице.

Далида перешагнула через убитого, поднялась на второй этаж, распахнула окно и, не мешкая ни секунды, прыгнула во двор. Привычка носить днем кроссовки очень помогла. За спиной она услышала полные бессильной ярости и разочарования, сдавленные крики полицейских. Она была уверена, что стрелять они не станут, чтобы не спугнуть тех, кто скрывался в квартире журналиста. И не ошиблась.

Пригнувшись, Далида скользнула вдоль ограды монастыря босоногих кармелиток Дешо. Если бы ей доводилось когда-нибудь читать роман «Три мушкетера», она бы знала, что на этом самом месте, за монастырем Дешо, д'Артаньян сначала чуть не подрался с Атосом, а затем, быстренько подружившись с мушкетерами, вместе с ними переколол отряд гвардейцев кардинала.

Но она книжек не читала. Не знала и того, что позднее, уже не в книжке, а в реальной жизни, революционеры казнили здесь более сотни священников. Так, хоронясь за памятными историческими заборами, она огородами и переулками выбралась на площадь к собору Святого Сульпиция, свернула за угол, где и спустилась в метро.

Прага

В западной части Праги, на высоком берегу Влтавы, куда не достигают участвовавшие в последнее время наводнения, располагался зеленый район, застроенный уютными виллами.

Социалистическое правительство Чехословакии, как эта страна называлась в старое доброе время, имело давние традиции гостеприимства по отношению к террористам. Здесь находили приют и отдохновение от преступных трудов итальянские, немецкие, ирландские, палестинские и даже японские боевики. Все, кроме неонацистов.

Сбросив коммунистический режим, чехи покончили с этой традицией. Но кое-какие завязки остались. В частности, небольшая вилла за глухим бетонным забором. Кому она принадлежала, сами террористы понятия не имели. Но здесь их принимали, снабжали оружием, взрывчаткой и необходимой информацией.

Место, где стояла вилла, называлось Лысой горой. На этой горе в старину табориты Яна Жижки окружили последнюю шайку адамитов – сатанистов, тех, что причащались человеческой кровью, с упоением предавались свальному греху, обивали свои телеги кожей, заживо содранной с крестоносцев, и мечтали залить землю кровью по лошадиную холку. Пленных и раненых сатанистов по приказу слепого полководца согнали в кучу, завалили обломками их же телег, хворостом и предали огню. Пепел и золу тщательно перемешали с землей. После этого на Лысой горе густо разрослись странные деревья.

Здесь сейчас и базировалась группа нахбайтов Халима Серхана. Увы, сейчас Халим готовился отплатить гостеприимным хозяевам самой черной неблагодарностью. Прага должна была заплатить за членство и председательство в Евросоюзе и за политическую поддержку, оказанную Соединенным Штатам и Англии в их войне с Ираком.

Сигналом к началу действий группы Халима Серхана должен был послужить звонок из Америки от его брата Абдула. Халим ждал звонка двое суток, но тот так и не позвонил. Халим сам позвонил в Штаты, но брат не отзывался. Это могло означать только одно – Абдул Серхан и его группа арестованы или уничтожены. Вообще-то контрольным временем были сутки, но Халим никак не хотел поверить, что с братом могла случиться беда. Но поверить пришлось.

Осознав это, Халим взял в сарае велосипед и вывез его за боковую калитку виллы. Документы, кредитные карточки и наличные деньги загодя были рассованы по карманам его «тревожной» куртки. На улице он оседлал двухколесный аппарат и покатил вдоль заборов вниз, по направлению к реке.

Возле забора соседней виллы он заметил соседку – пани Мороженкову. Дама преклонных лет, она компенсировала потерю былой привлекательности невероятной интенсивностью расцветки и оригинальным покроем лица. Ее пунцовые, в обтяжку, щеки, лиловые надутые губы, начерченные ресницы оттянутых к вискам глаз приятно гармонировали с розовыми волосами.

«Прекрасное прикрытие, – отметил про себя Халим. – Рядом с ней даже слона не заметят».

Дама, похоже, также собралась на велосипедную прогулку, но потерпела неудачу. Она с недоумением вертела перед собой велосипедный насос. Халим остановился и галантно предложил свою помощь. Помощь была принята с благодарностью. Дальше они покатали вместе, непринужденно болтая.

Не успели они отъехать на сотню-другую метров, как навстречу показалась колонна черно-белых машин и микроавтобусов с мигалками и надписью «Местска полиция» – городовые. А также машины службы безопасности – белые с зеленой полосой и серебристые с синезелеными зигзагами и гордым девизом «Помогать и хранить».

Вне всякого сомнения, колонна направлялась навестить виллу, которую только что покинул Халим. Прямо перед его носом одна из машин вдруг остановилась, из нее выскочили двое,

скрутили переходившего улицу смуглого парня и затолкали в машину. На Халима внимания не обратили, лишь скользнули глазами по его партнерше.

На развилке Халим расстался со своей яркой спутницей и тут же забыл о ней. Он думал о потерянном брате, о соратниках, которых собирался, но так и не успел предупредить, и в ярости заскрипел зубами.

Где-то на границе Афганистана и Пакистана

Кучка глинобитных построек за высокими заборами, которую только с большой натяжкой можно было назвать кишлаком, лепилась к скалам. В этих убогих постройках размещался лагерь талибов. Под стеной, в тени одной из хижин сидели двое молодых парней, одетых по-европейски. Бороды, которые они начали отпускать совсем недавно, походили скорее на щетину недельной давности.

Один из них, Равиль Хайрулин, сделал глоток теплой мутной воды и поморщился. Потом протянул фляжку соседу, которого называли Санчесом Гиеной.

– Тебе не кажется, что здесь даже камни пахнут кровью? – спросил Равиль. – Странно...

– Что странно? – не понял Санчес.

Они разговаривали по-русски, так как Санчес пять лет учился в Москве, а Равиль родился и вырос в Набережных Челнах.

– Во все времена люди в этих местах сражались и резали друг друга с такой яростью, словно кругом не безжизненная скалистая пустыня, а ценные плодородные земли. Кого здесь только не убивали! Скифов, персов, греков, римлян, арабов, монголов, англичан, русских, американцев. Ну и конечно, местных – пуштунов, белуджей и их соседей – таджиков и узбеков – резали не меньше.

– Ерунда, – не согласился Санчес. – Камни и вправду воняют, но не кровью, а тухлятиной. Потому что местные режут на них своих вонючих баранов. А воют они не из-за земли, а просто от дикости.

Равиль удивился:

– Ты называешь стремление к свободе дикостью?

Санчес сплюнул. Слюна была липкой и тягучей.

– Смотри сам, – сказал он. – Вот живут рядом два народа. Один умный, а другой – дурак на дураке. Оба народа мерзнут, голодают, болеют. Плохо живут, в общем. Потом умный народ начинает строить теплые дома, шить одежду, добывать огонь трением. А дураки вместо этого только молятся своим духам и ждут. Ждут, когда наступит тепло, когда мамонт с обрыва свалится, когда молния в дерево ударит. Умный народ становится все сильнее и многочисленнее. Ему не хватает места, и он предлагает дуракам-соседям жить вместе. Территорию в обмен на разумный и осмысленный образ жизни, на знания и технологии. А дураки-соседи им отвечают, что лучше вымрут до последнего человека, но будут свято хранить свои племенные особенности – холод, голод, грязь и глупость. Все вместе это называется национальной гордостью. А чем дальше – тем хуже. Дураки, быть может, уже и сами рады бы теплый дом поставить или огня своими руками добыть, но не могут. Потому что тогда скажут, что это влияние врагов-соседей, чуждый образ жизни. Так и сидят дураки в своем неповторимом дерьме. Все умное и полезное считают враждебным. А если умные соседи попытаются образумить их силой, то дураки и в самом деле скорее погибнут, чем поумнеют. Так и помрут – вшивые и голодные, зато свободные. Вот, к примеру, французы и немцы покорились Риму и сами создали великую культуру и великие империи. А гордые афганцы отбили все нашествия и бережно сохранили свою неповторимую и оригинальную дикость. Для них любой прогресс – враждебное и тлетворное влияние Запада и посягательство на свободу.

Равиль покачал головой.

– Нет, ну почему любой? Ведь оружие они предпочитают современное, а не копья с дубинами... – Он с тоской огляделся и спросил: – Ну а мы тогда что здесь делаем?

Санчес сделал еще один глоток теплой, затхлой воды и вернул флягу Равилю.

– Талибы, конечно, дикари, но они наши союзники, – сказал он. – А мы ведем борьбу с мировым и особенно американским империализмом.

– В этой дыре? – Равиль невесело усмехнулся. – Ты противоречишь сам себе. Вспомни, когда ты в последний раз видел американца.

– Живого или мертвого? – уточнил Санчес.

С улицы из-за глинобитного забора-дувала послышались крики мальчишек:

– Американцы! Американцы едут!

Для детей это был настоящий праздник – побегать за «Хамви» американских саперов, покидать в них камнями, при этом ругаться и плевать. А что делать, когда нет ни мультиков, ни компьютерных игр? Даже в бутылочку не поиграешь – пить вера не позволяет, а целоваться не с кем. Разве что с ишаком.

Вдали, поднимая тучи пыли, показалась колонна из нескольких «Хамви» в сопровождении бронетранспортера. Для обычного рейда саперов машин было подозрительно много. Это поняли и боевики-талибы, которые, несмотря на жару, бдительно дежурили на боевых постах.

Равиль взял автомат, но Гиена Санчес тронул его за рукав и указал в противоположную сторону. Там вниз по склону горы спускалась цепочка фигурок в камуфляже песчаной расцветки. Видимо, где-то за скалами они высадились с вертолетов, и теперь можно было ожидать воздушного налета.

– Окружают! – крикнул Равиль.

Среди американских десантников Равиль заметил фигурки бойцов пакистанского спецназа. Нет, это была не рядовая зачистка. Их обложили, как волков, и шли уничтожать.

Талибы рассыпались за дувалом, занимая круговую оборону. Не прошло минуты, как застучали первые выстрелы и очереди. Внутри периметра дувала разорвались пущенные навесом мины, засыпая боевиков песком и мелкими осколками камня. Талибы понимали, что шансов на спасение у них нет, и собирались дорого продать свои жизни.

– Давай за мной! – бросил Равиль Санчес.

Тот с удивлением последовал за товарищем. Санчес подбежал к хижине, под полом которой была вырыта яма зиндана. Сейчас там содержались двое пленных голландских журналистов. Охранял их бородатый талиб в коротких – выше щиколотки – штанах.

Вбежав в хижину, Санчес без лишних слов выстрелил охраннику в голову. Все произошло так быстро, что ни жертва, ни Равиль не поняли, что происходит. Санчес наклонился к убитому и отцепил от его пояса две пары ржавых наручников. Одну бросил Равилью.

– Надевай!

Он откинул крышку, закрывавшую вход в примитивную тюрьму, и спрыгнул вниз. Послышался шум возни, тихий вскрик, за ним еще один. Потом над люком поднялась голова Санчеса. Он показал свои скованные браслетами руки.

– Чего ждешь? Давай сюда.

Равиль только теперь понял, что задумал его сообщник. Он отбросил автомат в угол хижины, быстро защелкнул наручники на своих запястьях и скользнул в люк за Санчесом. Внизу, в темноте, можно было едва различить трупы двух заложников-голландцев. Их оттащили подальше в угол.

– Пришлось сломать им шеи, – объяснил Санчес. – Если их все-таки найдут, скажем, что нас было четверо, но они умерли от побоев. Жалко...

– Что жалко? – не понял Равиль.

– Что пришлось им шеи ломать. Я стрелять люблю. И не в затылок, как вы все, а в лоб. В упор. Чтобы в глаза человеку посмотреть перед смертью. Неповторимое зрелище.

Шум боя сначала усилился, потом постепенно стал затихать. Ждать пришлось долго. Наконец добровольные пленники услышали над головой шаги и грубую американскую речь. Люк откинулся, и сверху появилась голова в каске. На черном лице негра глаза и зубы сверкали даже в темноте зиндана.

- Вылезайте, вы свободны! – крикнул он. – Можете сами двигаться?
- Да, мы выходим! – по-английски ответил Санчес. – Помогите, пожалуйста!
- Негр с нашивками капрала помог обоим выбраться.
- Там есть еще кто-нибудь? – спросил он.
- Живых нет, – коротко ответил Санчес.
- Кто вы? – спросил негр.
- Журналисты, – отозвался Равиль. – Сидим здесь вторую неделю.

Капрал освободил их от наручников, потом пнул ногой тело убитого Санчесом талиба-охранника.

– Это я убил его и освободил вас, – хвастливо сообщил негр. – Не забудьте написать это в своей газете. Меня зовут Джонс. Капрал Джонс.

Негр повернулся и направился к двери. Равиль с трудом преодолел желание подхватить автомат и выпустить длинную очередь в ненавистную спину «освободителя».

Вокруг царила суматоха. Американцы искали взрывчатку и, как понял Равиль из их разговоров, химическое оружие. Его и Санчеса сразу же отправили в госпиталь на джипе. Водителя и сопровождавшего их санитаря они убили, как только отъехали на безопасное расстояние. Санчес сам сел за руль. Равиль развернул карту местности.

- Поворачивай направо, – сказал он. – Только бы бензина до Пешавара хватило.
- Санчес беспечно махнул рукой и нажал педаль газа.

Север Японии

Остров Хоккайдо – самый северный из японских островов. Портовый город Отару, побратим русского города Находка, расположен недалеко от столицы острова города Саппоро, на берегу залива Исикари. С трех сторон Отару окружен горами, с четвертой – морем. В прошлом город служил военной базой, с территории которой японцы – дети богини Аматерасу – отвоевали этот северный остров у диких белокожих варваров эбису.

Война была тяжелой и кровопролитной. Трижды варвары эбису стирали Отару с лица земли, оставляя на месте города лишь трупы и головешки, но город снова отстраивался.

Сегодня Отару являлся одним из крупнейших туристических центров Хоккайдо, но с ярко выраженным промышленным уклоном. То есть приезжали сюда в основном не совсем обычные туристы. На природу и достопримечательности им было наплевать. Цель у них была одна – обзавестись по дешевке подержанным японским автомобилем.

В самом городе Отару кроме автомобильного экспорта процветала и другая торговля – электроникой, тряпками и прочим ширпотребом. Окраина города представляла собой сплошную промышленную зону, в основном склады. Здесь хранились контейнеры, прибывшие морем, здесь они перегружались на железнодорожные и автомобильные платформы. Со стороны район напоминал пчелиные соты. Ориентироваться здесь было невероятно трудно.

Ранним утром, еще затемно, к одному из таких складов медленно двигалась колонна машин и автобусов. Судя по цвету и эмблемам, все они принадлежали к автопарку полицейского управления.

Колонна остановилась возле серых металлических ворот. Из автобусов, как черные тараканы, посыпались вооруженные люди в касках и бронежилетах. Часть из них собралась у ворот, остальные бросились к забору, огораживавшему склад. Негромко прозвучал взрыв, и створка ворот обрушилась внутрь. Ворота еще не успели упасть, а штурмующие уже вломились на склад и рассредоточились по его территории, занимая складские строения и помещения.

Для охранников склада налет полиции явился полной неожиданностью. В их организации царилась строжайшая дисциплина. За невыполнение приказа наказанием служила смерть. Такая практика имела свои серьезные минусы. Она подавляла всякую инициативу рядовых членов в зародыше. От них требовалось лишь неуклонное соблюдение инструкций. Штурм склада полицией никакими инструкциями предусмотрен не был, и охранники просто не знали, что им делать, ожидая приказов сверху.

Они спохватились только тогда, когда ворота с грохотом рухнули и полицейские принялись ломиться во внутренние помещения. Только теперь начальник охраны, человек молодой и неопытный, наконец сбросил охватившее его оцепенение и схватился за трубку телефона. Лицо его покрылось каплями холодного пота. Рассеченная косым шрамом щека подергивалась.

Начальник охраны понимал, что произошла катастрофа, в которой сам он никак не виноват. Но он также не сомневался, что кто-то должен будет за все это ответить. И, скорее всего, отвечать придется именно ему. Он набрал номер экстренной связи с «оябуном» – «отцом» организации. Тот ответил сам. Начальник охраны сразу узнал его голос и поклонился так низко, будто грозный хозяин стоял прямо перед ним.

– Сумимасэн, Нобуро-сан! – быстро проговорил он. – Мне нет прощения. На нашем складе полиция. Они уже прорвались во внутренние помещения. Склад захвачен.

Оябун помолчал, потом ответил негромко:

– Это действительно непростительная ошибка. Надо срочно уничтожить все, что может связать оружие со склада и нашу организацию. Любые следы. С полицейскими веди себя спокойно и предупреди своих людей. Вы – простые охранники, нанятые через агентство. Ничего не знаете, никого не видели. После этого тебе надо будет исчезнуть.

Начальник охраны снова поклонился, глядя в угол.

– Хай! Я готов умереть, – рявкнул он.

Оябун помолчал, а когда заговорил снова, в его голосе явно послышалась усмешка:

– Ты умрешь, но позже. Сейчас у тебя будет задача поважнее. Как только вас отпустят из полиции, вылетишь в Европу. Отныне твое кодовое имя – Самурай.

И отключился. Начальник охраны одернул форменный китель и шагнул навстречу приближающимся полицейским.

Лондон

Ночной город выглядел с высоты сотни метров бушующим огненным морем. В застекленной кабинке колеса обозрения или, как его называют, «Лондонского глаза», находились двое мужчин.

В том, что постарше, глаз опытного журналиста сразу распознал бы бывшего российского олигарха Бориса Октябриновича Гореславского. Сам Борис Октябринович предпочитал, чтобы его называли сокращенно – господин БОГ. Второй, помоложе, был менее известен широкой публике. Он занимал пост помощника секретаря ООН по вопросам защиты детей в вооруженных конфликтах. Звали его Усамой бен Масихом. Работу в солидной международной организации господин бен Масих совмещал с хлопотной общественной нагрузкой – он был вождем псевдоисламской террористической группировки «Аль-Накба».

Кабинка медленно, с остановками, перемещалась вверх. На передвижном столике стояла открытая бутылка дешевого шампанского, которая прилагалась к VIP-аттракциону и входила в его стоимость. Мужчины, не обращая внимания на пойло, вели неторопливый разговор. Бен Масих еще не разучился говорить по-русски, поэтому беседа шла на языке Толстого и Достоевского.

– Куда катится этот мир? – вопрошал господин бен Масих. – Парковка обходится в десять долларов за час! Представляю, сколько стоит наше катание на этом дурацком колесе.

Гореславский пожал плечами:

– Выбирать не приходится. Только здесь, пожалуй, еще можно спокойно поговорить. По моему, нас приняли за пару новобрачных гомосексуалистов.

Бен Масих вспыхнул, его лицо залила краска негодования, но Борис Октябринович продолжал как ни в чем не бывало:

– А аттракцион стоит недорого, долларов двести двадцать – двести тридцать. Но в целях конспирации мне пришлось делать заказ через русское туристическое агентство. Так эти бандиты содрали с меня тысячу евро. Надо будет занести им в офис небольшой презент – бомбу с часовым механизмом. Но это позже, чтобы никому в голову не пришло связать это с моим заказом... – Он мечтательно застыл у края бездны. – Когда-нибудь мы взорвем это дурацкое колесо. Чтобы оно упало прямо в Темзу. Надо только, чтобы в этот момент на нем было побольше народа. Представляешь, какие брызги поднимутся?!

Он радостно, совсем по-детски рассмеялся. Но его собеседник оставался мрачен и хмур. Борис Октябринович смерил его пренебрежительным взглядом.

– Так ты говоришь, у нас неприятности?

– Неприятности? – Бен Масих грязно выругался. – Я бы назвал это разгромом. Они накрыли практически все наши боевые группы и склады. В Европе, в Америке, в Японии. Даже лагерь талибов на границе с Пакистаном. Спаслись только несколько человек. Боюсь, один из них мог оказаться предателем.

Гореславский пошевелил сцепленными за спиной пальцами рук.

– То, что все налеты на наши объекты произошли одновременно, безусловно, свидетельствует об утечке информации. Говоришь, предатель мог оказаться среди спасшихся? Ерунда! Каждый из них знал очень немного, только то, что касалось их собственных групп. Нет, сдать всех и сразу мог только кто-то из твоего непосредственного окружения.

Бен Масих обескураженно pokrutil головой:

– Не может быть, все они проверенные люди!

– Плохо проверял! – с неожиданной яростью рявкнул вдруг Гореславский. – Сколько их у тебя?

– Пятеро, – неуверенно протянул бен Масих. – И я ручаюсь за каждого.

Гореславский едва сдерживал гнев.

– Тебя я не подозреваю... пока не подозреваю! И скажи за это спасибо. А своих помощников немедленно бери в работу. Один из них – враг. На нем кровь наших братьев.

Кабинка теперь шла вниз. Бен Масих все еще не мог смириться с необходимостью уничтожить собственный штаб.

– Но если один предатель, то четверо других...

– У меня нет времени выяснять это! – перебил его Борис Октябрьевич. – Возможно, твой стукач уже сдал и нас с тобой. Мы тут болтаем, а внизу уже ждут с наручниками.

Бен Масих замялся:

– Но у нас нет ни пентотала, ни скополамина. Все запасы захвачены полицией.

Гореславский наклонился к собеседнику и зашипел, брызгая слюной ему в лицо:

– А топор у тебя есть? Пила, молоток, плоскогубцы? Как же в старину без пентотала и скополамина обходились? В инквизиции, в Чека, в гестапо? Так что иди и работай. И доложи как можно скорее. Твою главную базу на острове, надеюсь, не тронули?

Бен Масих не смог сдержать самодовольной ухмылки.

– Руки коротки. Мой остров – территория под юрисдикцией ООН. Но все остальное... Вах! Такие убытки... люди, оружие...

– Не хнычь, – Гореславский похлопал собеседника по плечу. – Это не убытки, это расходы. Людей наберем, оружие купим. К тому же в наших лабораториях разработано взрывчатое вещество нового типа.

Господин бен Масих воспрял духом. Он выпрямился и, казалось, стал выше ростом. Наконец он набрался храбрости, чтобы задать главный вопрос.

– А что говорит ад-Даджал? – осторожно спросил он.

Борис Октябрьевич ответил не сразу. Сначала подумал – стоит ли. Потом решил, что можно посвятить верного помощника в сокровенную тайну.

– Мудрый ад-Даджал считает, что здесь оскорблена его честь. Мы должны нанести ответный удар. И он будет страшным.

Бен Масих слушал, затаив дыхание. Его глаза горели огнем восторга.

Гореславский продолжал:

– Долгое время мы ограничивались тем, что взрывали грязное быдло в метро, поездах, самолетах. Но теперь мы пойдем другим путем.

Бен Масих удивленно приподнял брови:

– Вах! Неужели мы перестанем взрывать этих баранов?

Борис Октябрьевич усмехнулся:

– Нет, зачем же? Наоборот, мы усилим нашу борьбу. Стадо надо держать в страхе, и мы будем продолжать начатое с удвоенной энергией. Но кроме этих ничтожных пора побеспокоить и других – тех, кто ездит в лимузинах с кортежами и летает на персональных самолетах. Вельмож, которые возомнили себя хозяевами этого мира. Следует напомнить им, что они – такие же ничтожества, как и те, кто их выбирает и выдвигает во власть. По ним мы и ударим. Это потрясет низы, они будут деморализованы, и мы легко погрузим весь мир в хаос. Это будет конец света. Мы их всех трахнем!

– Вах! – восхищенно повторил бен Масих. – Воистину, когда идущий во главе стада козел случайно падает в пропасть, все стадо прыгает следом за ним.

– Именно так! – согласился Гореславский. – Все они – только козлы и бараны. И мы напомним им, что в мире существуют львы. Ты, почтенный Усама, кажется, сказал, что некоторым из твоих людей удалось спастись? Это хорошо, они нам пригодятся. Собери тех, кто остался. Они возглавят армию безмозглых зомбированных баранов. Ты займешься их подготовкой, а я скажу, что надо делать.

Прозрачная кабина опустилась вниз. Двери открылись. Собеседники вышли, оставив откупоренную бутылку шампанского тем счастливым, которые зайдут первыми.

Подмосковье

Над Ватутинками стояла тихая темная ночь. Старостин мерил шагами пол своего кабинета. Через окно он видел, как перед штабом затормозил черный «Хаммер» премьер-министра. Спустя пару минут вице-адмирал услышал в коридоре его твердые шаги. В кабинет начальника ФАРОСа они вошли вместе. Ковригов крепко пожал руки обоим.

– Бормана нет? – на всякий случай уточнил Старостин.

– Часа два назад уехал, – заверил его генерал-полковник.

Правдин прошел к столу и занял одно из кресел.

– Рассказывайте, Илья Григорьевич, – попросил он.

Старостин прокашлялся. Ковригов понимающе хмыкнул, достал из заветного шкафчика бутылку виски и тяжелые стаканы. Разлил и раздал.

Старостин сделал глоток и кивнул:

– Спасибо. Так вот, я собрал вас среди ночи, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие. Агент Дервиш, для внедрения которого в окружение Усамы бен Масиха потребовалось так много сил, средств и времени, не вышел на связь. Думаю... нет, уверен, что он расшифрован. Возможно, его уже нет в живых, возможно, с ним еще работают.

Правдин нахмурился:

– И в чем причина? Ваше мнение?

Старостин задумался, но ненадолго.

– Судите сами, – сказал он. – При прошлой нашей встрече генерал-майор Бормышев получил информацию о расположении секретных баз и лагерей, которые принадлежали террористической группировке «Аль-Накба». На следующий день брат Бормышева, который, кроме всего прочего, числится также консультантом зарубежных антитеррористических структур и ООН, отправляется в международное турне. Вслед за этим по всему миру проходят повальные аресты накбаитов. Все их базы, указанные в меморандуме Дервиша, разгромлены, а террористы убиты или арестованы. Убитых, к счастью, не вернуть, а вот арестованных, думаю, скоро выпустят. Реальная доказательная база для обвинения практически отсутствует, а оперативную информацию к судебному делу не подошьешь. Так вот, бен Масих не дурак и в состоянии сложить два и два. Он, разумеется, догадался, что у него в штабе утечка, и принял необходимые меры. В результате мы лишились ценного агента еще до того, как он фактически приступил к работе.

Правдин потер лоб:

– И виноват в этом...

– Борман, – заключил Ковригов.

В кабинете воцарилось гнетущее молчание. Его прервал премьер-министр.

– Вы считаете, что генерал-майор Бормышев предатель? – прямо спросил он Старостина.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет. Он просто самонадеянный идиот. Хотел прогнаться, поймать плюс, как говорят в армии. Возможно, – вице-адмирал бросил взгляд на Ковригова, – он спит и видит себя на месте начальника главка. И пользуется для этого любой возможностью.

Судя по выражению лица премьер-министра, ему только что наступили на мозоль.

– Мы не можем его сейчас уволить, – вяло заметил он.

– Понимаю, этого и не требуется, – кивнул Старостин. – Но вам придется полностью изолировать генерал-майора, иначе я вынужден буду его убить.

Он сказал это просто и буднично, но премьер-министр и начальник главка ему поверили. И даже не возмутились, поскольку работа предстояла – серьезнее некуда. И игры карьеристов были здесь неуместны. К тому же нелепые действия братьев Борманов уже повлекли за собой

смерть многих людей. И неизвестно, чья еще жизнь могла быть принесена ими в угоду собственным амбициям. В том числе и жизнь присутствующих здесь, в кабинете.

Поэтому, вместо того чтобы напустить на вице-адмирала с шаблонными упреками типа «как вы можете» и тому подобными замечаниями, Правдин спросил его:

– Можем ли мы что-то сделать, чтобы спасти Дервиша?

Старостин помрачнел:

– Боюсь, мы опоздали. Впрочем, можно попробовать систему экстренной доставки «Стратосфера».

Эту программу разработал еще в конце 70-х годов XX века знаменитый ракетный конструктор академик Челомей. Заключалась она в том, что облегченная ракета-носитель выводила на высоту около двухсот тысяч метров пассажирскую капсулу с десантной группой. Капсула не выходила на орбиту, а совершала суборбитальный полет, двигаясь по баллистической траектории. После этого капсула совершает мягкую посадку в заданной точке моря или океана. Диверсионная группа покидает капсулу и приступает к выполнению задания. После выполнения задания группа эвакуируется на подводной лодке или иным способом.

Название системы носило условно-конспиративный характер. Собственно стратосфера кончается на высоте пятидесяти километров над землей, капсула же поднималась вчетверо выше – в область, именуемую термосферой. Только здесь, в безвоздушном пространстве, можно было придать капсуле необходимую скорость.

В начале 80-х работы над системой прекратились, но в 2008 году их возобновили. Экономический кризис помешал внедрить «Стратосферу» в Вооруженные силы. Но экспериментальный образец системы на полигоне в Капустином Яре ожидал испытаний.

– Сколько времени займет доставка группы к месту проведения операции? – спросил премьер.

Ковригов прокашлялся:

– Ну, подготовить систему к пуску, собрать и доставить на старт группу – часа три. И сам полет в тропики – сорок минут.

– Но ведь экипаж должен иметь специальную подготовку, – напомнил премьер-министр. – У нас есть такая группа?

Ковригов отрицательно покачал головой. Ему возразил Старостин:

– Полет проходит в автоматическом режиме, от экипажа требуется только здоровье. Можно задействовать группу капитана второго ранга Татарина. Их хоть на Марс посылай. Ребята надежные. Заодно проведем испытание системы.

В кабинете воцарилось тяжелое молчание. Его нарушил премьер-министр.

– Какова степень риска?

– Десяносто семь процентов, – бесстрастно ответил Старостин. – Не выше, чем обычно.

Премьер молчал, Ковригов тоже. Старостин достал трубку мобильного телефона и набрал номер, который держал только в собственной памяти. Ему ответил низкий, чуть хрипловатый, хорошо знакомый голос.

– Слушаю.

– Кэп? Собирай группу. За вами заедут, – сказал вице-адмирал.

И отключился. Премьер поднялся и направился к выходу. Со стороны казалось, что на него давит тяжелый груз. Ковригов направился следом, чтобы проводить до машины.

Старостин подошел к окну и, глядя на усыпанное яркими звездами ночное небо, подумал, что спать в эту ночь ему снова не придется.

6. ДИВЕРСАНТЫ

Запахло морем и эвкалиптом. Эвкалиптовые рощи занимали всю прибрежную полосу острова. Значит, до воды бежать осталось совсем немного – километров пять. И – в океан. В родную стихию.

Собранная по тревоге группа подразделения «Антитеррор» самолетом была доставлена на полигон «Капустин Яр». По дороге бойцы получили инструктаж, как вести себя в субкосмическом полете. Главным пунктом было – ничего не трогать руками.

Непонятливых в группе не числилось, автоматика не подвела, разработчики не ошиблись. Поэтому полет прошел по запланированной траектории, без происшествий. И через 40 минут капсула благополучно приводнилась в просторах Индийского океана в полумиле от берега острова Санта-Тринидад. После приводнения экипаж покинул капсулу, высадился на остров и приступил к выполнению боевой задачи. И теперь, выполнив ее, спецназовцы возвращались к берегу.

Они бежали давно. Над островом стояла душная тропическая ночь. Светила луна. Семеро бойцов уверенно и ровно двигались – след в след – по едва заметной в темноте тропинке. Равномерный бег – на два шага вдох, на четыре выдох, причем на четвертом шаге выдох акцентированный. Так можно бегать сутками.

А марш-бросок – это для косолапой пехоты. Костяная нога. Побегали – вспотели, пошли шагом – замерзли. И снова бегом. И снова шагом. И так далее. В общем, разминка для детского сада и школьников раннего возраста. Спецназ же передвигается только бегом. И подводный спецназ, где еще недавно числились бойцы, не исключение.

Больше того, для людей, привыкших дышать под давлением черт знает скольких атмосфер и, не напрягаясь, задерживать дыхание на пять и больше минут, пробежка с грузом в пару пудов на несколько десятков километров – сущее развлечение.

«Прогулка в Нескучном саду томным майским вечером», – как любил говорить старший мичман по прозвищу Боцман.

Поэтому бойцы бежали легко, на бегу обменивались мнениями и даже находили нужным шутить. Впрочем, это не всем нравилось.

– Отставить треп, прибавить ходу! – негромко прорычал капитан второго ранга Татариннов, он же Кэп. – Шире шаг!

– Командир, а нам значки дадут? – поинтересовался через плечо старший лейтенант Голицын, он же Поручик, который возглавлял колонну.

– Какие значки? – не понял Татариннов.

– Ну, я не знаю... – Поручик задумался, не сбавляя шага. – К примеру – «Космонавт-водолаз первого класса». Нет, правда, мы же в космосе были! Невесомость, перегрузки, все как положено.

Ему возразил связист группы капитан-лейтенант Марконя. Среди бойцов группы он отличался умом и начитанностью.

– Нам значки не полагаются, не тянем мы на космонавтов. Мы же на орбиту не вышли, даже первой космической скорости не набрали.

– А невесомость?

– Невесомость не в счет. Туда, где мы летали, скоро туристов возить будут. Так что гордиться тут нечем. Вы мне лучше скажите, мы все еще группа специального назначения «Антитеррор» или уже стадо вьючных верблюдов?

– Это точно, – мечтательно вздохнул Поручик. – Я уже жалею, что подался в «Антитеррор», а не остался служить в родном подводном спецназе. Вот жизнь была! Не служба – санаторий. Нырнул метров на двести, и никаких забот. Дальше за тебя закон Архимеда работает...

– Ах ты сачок! Архимед, значит, старался, закон свой для людей придумывал, а ты его в своих личных целях используешь? – строго урезонил товарища подрывник, старший лейтенант Бертолет. – Хорошо устроился. Вытесняешь воду и теряешь в весе, чтобы, значит, полегче жилось?

– Ничего, иногда полезно понюхать, как наши сухопутные братья корячатся, – утешил соратников медик группы капитан-лейтенант Док, бежавший следом за ними. – У них знаешь какая дежурная болезнь? Банальная грыжа.

– Слышь, Поручик, а ты ласты надень, привычнее будет, – предложил Голицыну Марконя.

– Марконя, а ты разве еще не убитый? – как бы между прочим поинтересовался Кэп.

– Да ты что, командир? Окстись! Разве можно так шутить?

– Тогда ответь, будь другом, почему нас до сих пор не забрали? Ты на связь выходил? Где группа эвакуации? Или нам так до самой Москвы топать?

– Шеф, я все время на связи! – принялся оправдываться радист. – Меня просто игнорируют. Может, они про нас забыли?

Поручик громко высморкался с помощью двух пальцев. Далеко полетело. Он поудобнее перехватил свой груз – бельгийский пулемет «Маг». Облегченный вариант, специально для морской пехоты США. Вес – каких-нибудь 12 кило. Плюс патронные ленты, гранаты, харчи, носовой платок. Пулемет Калашникова был бы на пару килограммов полегче, но в целях конспирации диверсионная группа была вооружена только трофейным оружием, принятым на вооружение в странах блока НАТО.

Единственное исключение составлял нож. Конечно, следовало бы взять на дело импортный «Ка-Бар» или «Атак», но Поручик все же предпочел привычный отечественный «Катран». Он называл его «нержавеющим ломиком» и с его помощью не раз успешно справлялся с врагами, патронными цинковыми ящиками, консервными банками и заусенцами на ногтях. Мог и побриться, если больше нечем.

Спецназовцы, подобно римским легионерам, тащили на себе все необходимое снаряжение. Кроме, разве что, бревен для частокола. Только один из них был свободен от хозяйственной поклажи. Бойман пер на могучей спине принайтовленного к легкой титановой раме человека. Вернее, то, что от него осталось.

У человека не было ни рук, ни ног, только голова и туловище. Немного, но вполне достаточно, чтобы жить и говорить. Руки и ноги у него отпиливали в течение последней недели, причем не сразу, а постепенно, по частям. Делали это Чак и Гюрза, лучшие специалисты по получению информации. А приказывал им помощник секретаря ООН по вопросам защиты детей в вооруженных конфликтах господин Усама бен Масих. Имени искалеченного не знал никто из группы, кличку – Дервиш – только Кэп и Поручик. Группа Кэпа прибыла сюда, на остров, именно за ним. Ради этого человеческого обрубка группа спецназовцев из Главного управления федеральной антитеррористической разведывательно-оперативной службы, сокращенно ФАРОС, взлетела чуть ли не к звездам, приводнилась возле острова Санта-Тринидад и нанесла непоправимый ущерб имуществу Организации Объединенных Наций.

Санта-Тринидад – небольшой остров в восточной части Индийского океана – получил название в честь затонувшего где-то поблизости флагманского корабля Магеллана. Когда-то остров служил базой малайским пиратам – морским даякам. Их потомки и сейчас заселяли прибрежную его часть и промышляли ловлей чего попало. Реже – рыбы, а в основном – беспечных путешественников.

На остров претендовали Испания, Голландия, Индонезия и даже Австралия. Даяки настаивали на своей полной независимости. После неудачной попытки индонезийцев высадить десант и подкрепить свои притязания силой оружия над островом был установлен протекторат ООН.

База ооновцев находилась в северо-западной части острова и была смыта до основания чудовищным цунами в первый день Рождества 2004 года. Денег на восстановление не хватало. На помощь пришел гражданин Швейцарии и по совместительству руководитель и вдохновитель псевдоисламской секты «Аль-Накба» почтенный Усама бен Масих. Он же глава крупнейшей и опаснейшей международной террористической организации с тем же названием.

За приличную сумму Усама купил себе необременительную должность заместителя секретаря ООН по вопросам защиты детей в вооруженных конфликтах. На Санта-Тринидаде он официально устроил свою штаб-квартиру. В строительство ООН не вложила ни цента, оно велось за счет самого бен Масиха.

Сейчас остров фактически находился в собственности Усамы бен Масиха. Он нашел общий язык не только с ООН, но и с даяками. В их внутренние дела не лез, зато понемногу снабжал деньгами и оружием их вождей. И ООН, и потомки пиратов горой стояли за своего благодетеля. Такое прикрытие позволило бен Масиху создать на острове Санта-Тринидад настоящее террористическое гнездо. Здесь террористы учились, здесь лечились и отдыхали в свободное от борьбы время. Здесь же готовились к новым подвигам. А после уничтожения международной сети баз террористов остров оказался последним их надежным оплотом.

От проникновения небольших диверсионных групп с моря базу бен Масиха защищали вооруженные до зубов пираты, от агрессии потерявших терпение великих и невеликих держав – флаг ООН. Стоило кому-то бросить в сторону Санта-Тринидада косою взгляд, как прикормленные международные чиновники тут же поднимали жуткий крик и грозили санкциями. Их поддерживали такие же прикормленные журналисты. Даже Соединенные Штаты предпочитали не связываться с этим бандитским гнездом и делали вид, что в упор его не замечают.

Но у российской разведки были свои резоны и свои возможности. Долго и планомерно вице-адмирал Старостин внедрял в высший эшелон руководства террористов агента по кличке Дервиш. И вот теперь, когда Дервиш дал первую по-настоящему ценную – на вес золота – информацию, его пришлось срочно эвакуировать.

Собственно, проваленного агента не надеялись найти живым. Но вице-адмирал Старостин считал, что отрицательный результат порой не менее ценен, чем положительный, и требовал от своих подчиненных доводить до конца любое, даже самое безнадежное дело. В этом был залог успеха, и здесь группе повезло. Правда, с эвакуацией немного опоздали.

Дервиша нашли уже искалеченным в подвале культурно-оздоровительного центра. Под зданием центра был оборудован зиндан – подземная тюрьма. Здесь в камерах содержались пятеро искалеченных человек. Кэп не сразу определил, кто из них Дервиш.

Разглядев, как террористы потрудились над пленными, спецназовцы сгоряча уничтожили всю охрану, а заодно и посетителей центра, хотя достаточно было вырубить и запереть их в подсобке. Других заключенных тоже пришлось добить, из сострадания. Дервиша обкололи снотворным и забрали, а при отходе взорвали и центр, и соседнее с ним административное здание, после чего тихо исчезли.

Впрочем, их исчезновение осталось незамеченным не для всех. И в самом скором времени на хвосте у спецназовцев повисла вооруженная до зубов многочисленная банда даяков. Они безошибочно взяли след. Теперь все дело было только в скорости.

...Группа спецназа продолжала двигаться в режиме ритмичного бега. Впереди зашуршали кусты. Друзей здесь быть не могло, только враги.

– Ибаны, мать их, больше некому! – проворчал Бощман.

– Зачем плохими словами выражаешься? – сделал ему замечание Бертолет.

– Он не выражается. Ибаны – это другое название туземцев, морских даяков, – просветил товарища Марконя. – Они у нас сейчас на хвосте сидят. А теперь и спереди зашли.

Шедший в голове отряда Поручик выпустил на шум короткую очередь, за ней другую, следом третью и сместился вправо. При этом стрельбу не прекращал, продолжал косить

заросли очередями. Группа имела четкое деление на «первый-второй». Начало стрельбы послужило сигналом. Все первые номера автоматически сместились вправо, вторые – влево. Причем каждый следующий боец – на шаг дальше предыдущего. Раскрылись веером. Док шел следом за Поручиком и открыл огонь почти одновременно с ним.

Засаду на спецназовцев организовали примитивные дикари, злые, но неумелые. Из тех, кто любят стрелять, но редко попадают. Спецназовцы расстреляли их с ходу, в одну секунду, не сбавляя темпа, и снова выстроились в цепочку.

Но Боцман продолжал недовольно бурчать:

– Ну вот, нашумели... Сейчас их главные силы подтянутся. Они и так нас чуть не за пятки хватают.

Поручик нашел в его словах определенный резон. Он сместился в сторону, пропустил задних и поравнялся с Кэпом.

– Командир, есть предложение. Вы бежите дальше, а я отдохну. Что-то селезенка ёкает. Полежу вон там под пальмами, подожду наших друзей. Нехорошо ведь уйти, не попрощавшись. Мы не англичане и не Ленин на елке в Сокольниках.

Кэп окинул цепким взглядом позицию, на которую указал Голицын, и одобрительно кивнул:

– Валяй. Задержи их, сколько сможешь, и уходи. Только не нарывайся и не борзей, ты мне еще живым понадобишься. Мы будем тебя ждать на берегу.

Но Поручик покачал головой:

– Не надо ждать. Мне проще своим ходом домой добраться.

Тут подал голос бежавший следом подрывник Бертолет:

– Слышь, Поручик, кончай дурить! Мы без тебя не уйдем. Кэп, скажи ему...

Голицын глянул на него с нескрываемым сочувствием:

– Паша, дорогой, я остаюсь для того, чтобы задержать их, а не вас. А вам надо уходить, и как можно скорее. К тому же, сам видишь, наша группа поддержки где-то заблудилась, значит, эвакуироваться придется своими силами. Моторная лодка «Зодиак» поднимает как раз семейных бойцов плюс харчи, снаряжение и оружие. Я лишний. Если я буду думать, что вы ждете меня на берегу, то начну волноваться, нервничать, потеть. Запах пота будет меня демаскировать. Ты что, в натуре, хочешь, чтобы меня по запаху нашли? И вообще, ты меня за инвалида, что ли, принимаешь? Да я быстрее вас доберусь! Вы знаете что? Когда будете уходить, оставьте мне моноласту. Я еще в Приморском вас встречать буду. Спорим?

В поселке Приморском под Питером находилась база отряда подводного спецназа, к которой все еще были приписаны бойцы антитеррористического подразделения.

– Спорим! – отозвался Марконя. – Кто проиграет, накрывает поляну на всех!

Только спустя пару минут Марконя сообразил, как лопухнулся.

– Ну я и долбак! – запричитал он. – А если Поручик вообще не доберется?

– Взыщем посмертно, – утешил его Кэп. – Главное, чтобы ты добрался.

Кэп обернулся к Голицыну. В глаза старался не смотреть. Против желания его голос дрогнул.

– Может быть, будут конкретные пожелания?

Старший лейтенант посерьезнел лицом.

– Посчитай от пяти до одного, если не трудно, – попросил он.

– Говно проблема, как говорит Марконя, – кивнул Кэп и размеренно произнес: – Пять – четыре – три – два – один – пошел!

И, не оглядываясь, присоединился к ушедшей вперед группе.

Это было маленькой слабостью Поручика. Для запуска программы оптимального боевого состояния он включал обратный отсчет. Считал обычно сам. Но иногда любил, чтобы это сде-

лал кто-то другой. Суеверие, конечно, но старший лейтенант давно заметил, что в таком случае схватка проходила особенно эффективно. И эффективно, прямо-таки на кураже.

На счет «один – пошел» в его голове щелкнул переключатель. И вместо нормального, почти интеллигентного и ироничного молодого человека, коим он являлся, в его сознании возник бесстрастный и прекрасно отлаженный механизм для истребления живой силы противника. Что, впрочем, не мешало отдельным человеческим эмоциям проникать в его сознание.

Поручик остановился и огляделся по сторонам. Товарищи растворились в темноте, он остался один. Только теперь Голицын по достоинству мог оценить прелести острова. Тиха тропическая ночь, прозрачно небо, звезды блещут. Климат курортный.

«Да, вот так бегаешь, суетишься, а жизнь со всеми ее прелестями мимо проходит», – с горечью подумал старший лейтенант.

«Курорт не там, где климат, а там, где не надо работать», – вспомнилась ему очередная мудрость Боцмана.

Поручик выбрал для засады подходящее укромное местечко рядом с тропой и стал ждать. Долго томиться не пришлось. Преследователи шли по тропе, как и спецназовцы – след в след.

«Идиоты, вам-то это зачем? – подумал старший лейтенант. – Вы же сейчас не прячетесь, а ловите. Наверное, бандитская привычка».

Впрочем, как раз в этот момент незадачливые охотники поменялись ролями с дичью. Поручик резанул их длинной приветственной очередью, продолбив колонну свинцом от головы цепочки и в глубину. И тут же откатился в сторону. А потом быстренько отбежал. И вовремя. Спустя секунду кусты, из которых старший лейтенант обстрелял преследователей, оказались буквально прорежены ответным огнем.

Сбитые пулями листья еще не успели упасть на землю, а Поручик уже открыл огонь с другой позиции. Дал короткую очередь и рванулся в другую сторону. Что-то вроде биатлона – стреляй и бегай. Так он развлекался с минутой, ополовинив за это время ряды противника.

У преследователей начало складываться впечатление, что им не удастся продвинуться по тропе ни на шаг, пока они не разберутся с наглым пулеметчиком. Они остановились и залегли всерьез, затем осторожно стали расползаться в стороны, дабы окружить противника.

Поручик мысленно пожал плечами. Окружить? Да сколько душе угодно, милости просим! Он дал бандитам полную свободу передвижения. Ползите, ребята, куда угодно, в любую сторону, лишь бы не по тропе к берегу. В конце концов, бандиты тоже люди, хоть и ибаны. И они в чем-то правы. Все-таки это их остров, они тут хозяева.

Старший лейтенант нагнулся и мигом установил из гранаты с проволочкой простенькую растяжку «Сделай сам». Потом убрался подальше и стал ждать. Как только взрыв дал знать, что растяжку нашли, он тут же побеспокоил аборигенов короткой очередью. Тут же упал, пропустив веер ответных пуль, отполз, пробежал, дал еще одну очередь и снова отполз. В таком режиме опытный профессионал мог работать часами.

...Группа кавторанга Татарина тем временем беспрепятственно вышла к морскому берегу. Здесь, слегка прикопанная песком, их ждала лодка. И тут издалека, сзади, из чащи леса послышалась частая стрельба.

Бертолет рванулся было назад.

– Командир, разреши, я вернусь!

– Не разрешаю! – рявкнул Кэп.

К Бертолету присоединился второй подрывник, двухметровый мичман Малыш.

– Но, может, Поручику там наша помощь нужна?

Кэп поморщился:

– Смеешься? Чем ты ему поможешь? Он по профессии и по жизни боевой пловец, а ты только подрывник. Если Поручик не справится, то уже никто не справится. И никто ему не поможет.

– Даже ты?

Кэп кивнул:

– Даже я. Поручик – феномен. Терминатор и Паганини в одном флаконе. Знаешь, я несколько не сомневаюсь, что он вернется на базу раньше нас. Ты, главное, ласту не забудь оставить, которую Поручик просил.

И бойцы принялись готовить лодку к отплытию. Кэп помог Боцману снять с титановой рамы освобожденного пленника. Док ввел ему новую дозу обезболивающего препарата. Не прошло и пяти минут, как лодка вспенила волны и взяла курс в открытое море. Кэп рулил, вглядываясь в темный горизонт. Но глаза всех остальных членов группы были обращены в противоположную сторону – туда, откуда все еще слышалась приглушенная стрельба.

...А Поручик продолжал выполнять свою работу. И не абы как, а творчески, с душой. Проявляя смекалку и, как требует устав, разумную инициативу. Наткнувшись на труп убитого им бандита, он нахлобучил на него свою кепку-панамку и засунул под тело гранату на боевом взводе. Сам отбежал в сторону и затаился с чисто детским любопытством – что получится.

Ибаны осторожно подкрались к телу собрата, принимая его за неподвижного врага. Убедившись, что тот мертв, подошли ближе и перевернули тело на спину. И тут были неприятно удивлены, причем трижды. Во-первых, когда обнаружили, что убитый вовсе не враг, а свой же товарищ. Во-вторых, когда из-под его тела выкатилась граната и разорвалась, разрывая на куски стоявших рядом. А в-третьих, когда Поручик привстал на колени и срезал оставшихся длинной очередью из своего пулемета, приговаривая:

– И не хочется, да жаль упускать случай!

Подранков добивать не стал – не варвар какой-нибудь. Убедившись, что среди противников воевать больше некому, он направился к морскому берегу. Шел не спеша, оглядываясь – не идет ли кто сзади. Есть у некоторых такая скверная привычка. В прибрежных зарослях залег еще раз, подождал для верности. Но никто больше не появился.

Поручик извлек из подсумка последнюю заветную гранату. Подумал – не оставить ли ее для себя? Так, на всякий случай. Поразмыслив, решил – нет, не оставит. Все для людей. И граната тоже.

Он снова установил нехитрую растяжку, после чего вышел на пляж. Здесь было пусто. Только море угрюмо катило свои волны... и все такое. Следы группы вели к воде и терялись, слизанные прибоем. Последним приветом от товарищей торчала из песка оставленная по его просьбе моноласта. Смотри-ка, не забыли!

Он расчувствовался и шмыгнул носом. В нос снова ударил пряный аромат эвкалипта. Хороший все-таки запах, прямо как дома, в бане. Веничков бы нарезать эвкалиптовых... Так ведь разве довезешь?

Издали, из леса, послышался шум погони. Ибанам показалось мало, и они поспешили за добавкой. Разозлил он их, не по-детски разозлил. Поручик грустно вздохнул. Надо было уходить. Видно, не судьба ему попариться заморским веничком. Но ведь и свои, эвкалиптовые с Кавказа или из Крыма, не хуже заморских. И даже лучше. Потому что свои.

И все же медлить не следовало, пора было подумать и о собственном здоровье. Поручик бросил пулемет в море. Чтобы не изображать Чапаева – он плывет, а по нему стреляют, – предварительно извлек затвор и закинул его подальше в воду. Потом обулся в ласту, погрузился в воду и поплыл, сбрасывая по пути лишние детали обмундирования...

Плыл Поручик долго – сутки или больше. Курс держал на север, не торопился. Несколько раз он видел судовые огни, но каждый раз корабли проходили слишком далеко. На вторые сутки пути, когда время, судя по звездам, перевалило за полночь, он обнаружил, что кто-то собрался его протаранить.

Сначала это были только огни. Зеленый на правом борту, красный на левом. Если он не перепутал, судно двигалось прямо на него. Когда оно приблизилось, он разобрал в темноте

уходящее вверх полосатое пузо спинакера. Это была парусная яхта. Большая, океанская. Ее мачта уходила высоко в небо, а паруса в свете звезд слегка отсвечивали в ночном сумраке.

– Хелп! – крикнул Поручик.

Ноль внимания, никакой реакции. Команда яхты, похоже, полностью игнорировала его призыв. Что ж, экипаж можно понять. Окрестное море кишмя кишит пиратами. Скорее можно было удивляться тому, что нашлись какие-то идиоты, пожелавшие бороздить здешние воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.